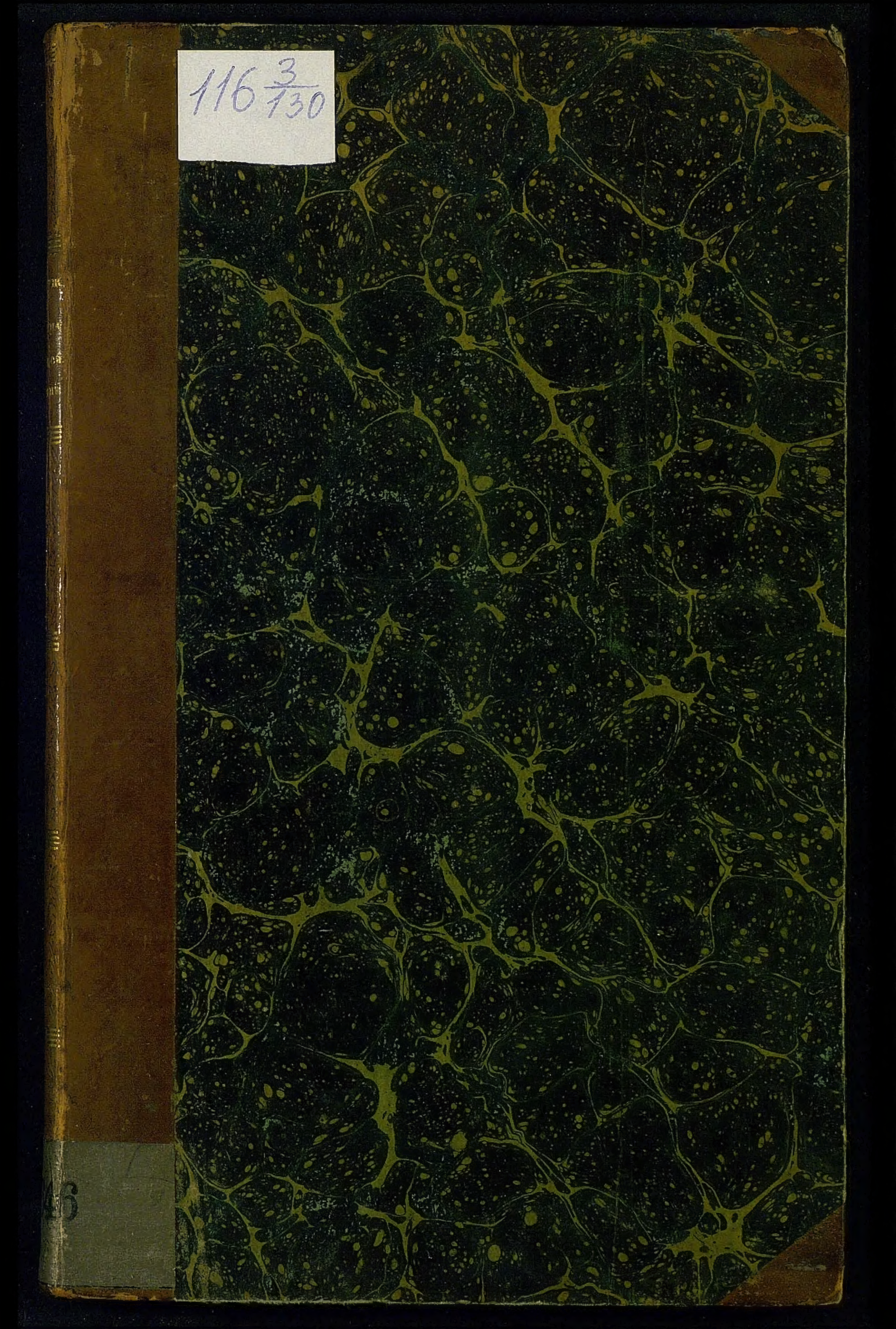
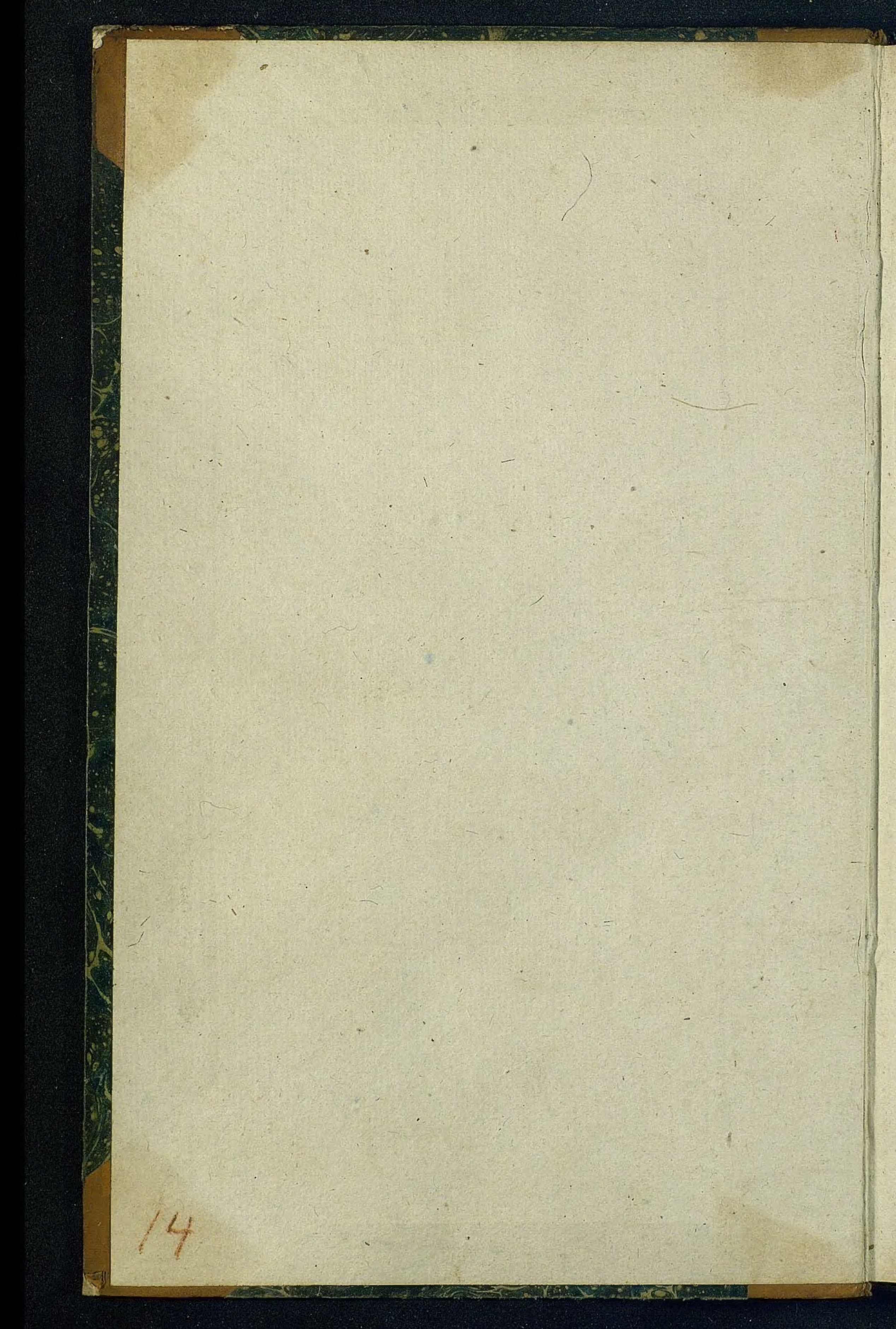

116 3/130
46

14

РАЗСУЖДЕНІЕ

О

Краснорѣчіи Священнаго писанія, и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила Россійскаго языка и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно,

ЧИТАННОЕ

Въ годичное ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи Собраніе, бывшее въ 3-й день Декабря 1810 года.

Сочиненіе Члена Академіи, нынѣ Министра народнаго Просвѣщенія и Президента оной,

Александра Шишкова.

Второе изданіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Печатано въ Типографіи Академіи Россійской

1825 года.

Напечатано по опредѣленію Академіи, отъ 3-го Генваря 1825 года.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О

КРАСНОРѢЧІИ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Россійская Академія, пекущаяся о успѣхахъ въ языкѣ и словесности, благоволила предложить два заданія: *1-е, написать Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія. 2-е, Показать, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила Россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно.* Да позволено мнѣ будетъ оба сіи вопроса соединить вмѣстѣ; ибо я полагаю толь тѣсную и неразрывную между оными связь, что мнѣ кажется предложенные совокупно могутъ они гораздо лучше освѣщать одинъ другой, нежели когда бы о каждомъ изъ нихъ разсуждаемо было порознь. Показаніе краснорѣчія Священнаго Писанія сопряжено неразрывно съ показаніемъ богатства,

изобилія и силы Россійскаго языка; а потому есть купно и показаніе средствъ, какими, подражая сему краснорѣчію, можемъ мы распространить, обогатить и усовершенствовать языкъ и словесность нашу. На семъ основаніи приступаю я къ разсужденію о сихъ обоихъ вопросахъ вмѣстѣ, и надѣюсь достаточно удовлетворить онымъ, когда раздѣля сіе сочиненіе мое на три статьи, въ первой изъ нихъ покажу превосходныя свойства нашего языка; во второй приведу примѣры краснорѣчія изъ Священныхъ Писаній; въ третьей разсмотрю, какими средствами словесность наша можетъ обогащаться, и какими приходитъ въ упадокъ.

СТАТЬЯ I.

О превосходныхъ свойствахъ нашего языка.

По истиннѣ языкъ нашъ есть нѣкая чудная загадка, понынѣ еще темная и не разрѣшенная. Въ какомъ состояніи былъ онъ до введенія въ Россію православной Христіанской вѣры, мы не имѣемъ ни малѣйшаго о томъ понятія, точно, какъ бы

его не было. Ни одна книга не показываетъ намъ онаго. Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою. Видимъ на немъ Псалтирь, Евангеліе, Іова, премудрость Соломонову, дѣянія Апостоловъ, Посланія, Ирмосы, Каноны, молитвы, и многія другія творенія духовныя. Видимъ его въ оныхъ не младенцемъ, едва двигающимъ мышцы свои; но мужемъ, поражающимъ силою слова, подобно какъ Геркулесъ силою руки. Дивимся острымъ и глубокимъ мыслямъ, заключающимся въ словахъ его. Дивимся чистотѣ, согласію, важности, великолѣпію. Кажется какъ будто умъ и ухо истощили все свое тщаніе на составленіе онаго. Надлежало ли назвать какую либо невидимую вещь: умъ примѣчалъ дѣйствіе и звукъ ея, или раздробляющійся по воздуху, или вдругъ потрясающій оный, или съ великимъ стремленіемъ свистящій; тогда ухо тотчасъ давало имена: *громъ, трескъ, вихрь*. Надлежало ли составить нарѣчія *далеко, близко, низко, глубоко, широко, высоко*, и проч., кажется самъ разсудокъ придумывалъ сіи названія, говоря въ нихъ: *даль око* (то есть: простирай зрѣніе далѣе); *близь око* (не простирай онаго вдаль); *низь око* (опускай внизъ); *глубь око* (углуб-

ляй); *ширь око* (расширяй); *высь око* (возвышай). Сличимъ оныя съ нарѣчіями другихъ языковъ: говорятъ ли сіе Французу слова его *loin, proche, bas, profond, haut?* или Нѣмцу слова его *weit, nahe, niedrig, tief, breit, hoch?* Надлежало ли дать имена чувствамъ нашимъ *слухъ, зрѣніе, обоняніе* и проч., умъ искалъ въ нихъ самихъ изобразить знаменованіе оныхъ. Въ словѣ *слухъ* (l'ouie, Фр.) помѣстилъ и securityназваніе той части тѣла, которая служитъ орудіемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства: *ухо* (l'oreil, Фр.) Слово *зрѣніе* сближилъ съ подобнымиже свѣтъ означающими понятіями *зареніе*, *заря*. Слово *обоняніе* (сокращенное изъ *обвоняніе*) составилъ изъ предлога *объ* и имени *воня*, слѣдовательно сдѣлалъ его выражающимъ *чувствованіе окрестнаго запаха*. Надлежало ли назвать какую либо видимую вещь: умъ разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то для составленія имени ея выбиралъ и буквы такойже образъ имѣющія: *око*. Потомъ отъ каждаго названія производилъ вѣтви такъ, чтобъ оныя, означая разныя вещи, сохраняли въ себѣ главное, отъ корня заимствованное понятіе. Отъ *грома* произвелъ *громко*, *громогласно*, *громоздко*,

огромно, *гремушка*, и проч. Отъ *ока*, *около*, *околица*, *околичность*, *окно*, и проч. Потомъ отъ сихъ вѣтвей пустилъ еще новыя отрасли: *коло*, *или колесо*, *коловратно*, *колесница*, *кольцо*, *колыхать*, *колыбель*, итакъ далѣе. Всѣ сіи вѣтви, подобно вѣтвямъ дерева, питаются отъ своего корня, то есть сохраняютъ въ себѣ первоначальное понятіе о круглости: потому *коловратность*, что изображаетъ *вращеніе кола* или колеса; потому *колыхать*, что движеніе сіе совершается не по прямой чертѣ, но по дугѣ, подобной *колу* или колесу, и пр.

Таковыя семейства словъ, изъ которыхъ иныя весьма плодородны, часто примѣчаются въ языкѣ нашемъ. Они подобны древамъ, составляющимъ великій лѣсъ. Разсмотримъ хотя одно изъ нихъ съ нѣкоторою подробностію. Возмемъ, напримѣръ, извѣстное издревлѣ орудіе, называемое *лукъ*. Хотя бы и не могли мы добраться, отъ каковаго корня происходитъ сіе названіе, однако по образу и употребленію сего орудія знаемъ, что оное есть дуга, или кривая, согнутая черта. Слѣдовательно понятіе о *лукѣ* сопряжено неразрывно съ понятіемъ о *кривизнѣ*. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ умъ,

составлявшій языкъ нашъ, перенесъ сіе понятіе къ другимъ вещамъ и извлекъ изъ него, яко изъ корня, многія вѣтви или слова, которыя всѣ, какъ уже и выше сказано, хотя разныя вещи означаютъ, однакоже во всѣхъ оныхъ главное и существенное корню ихъ понятіе о *кривизнѣ* всегда неразлучно съ ними пребываетъ. Отсюду произошли слѣдующія вѣтви или отрасли:

Лукà. Разсмотримъ сіе слово. Всякая дуга имѣетъ такое свойство, что естьли мы и раздѣлимъ ее на многія части, то части ея будутъ тоже дуги. Но *лукъ* есть не иное что, какъ дуга. Итакъ естьли мы раздѣлимъ оный на нѣсколько частей, будетъ не *лукъ* (то есть цѣлое), но будетъ *лукà* (то есть часть *лука*), имѣющая подобную ему кривизну. Изъ сего явствуетъ, что слово *лукà,* не сопряженное ни съ какими другими словами, значитъ нѣчто кривое, согнутое; въ соединеніи же съ другими именами означаетъ какъ самую вещь, такъ и кривизну, непремѣнно той вещи свойственную. Такимъ образомъ когда мы скажемъ *лукà у сѣдла,* или *Самарская лукà на Волгѣ*, то хотя бы и не знали, что такое собственно значитъ

здѣсь *лука̀*, однако по коренному сопряженному съ симъ словомъ понятію знаемъ, что въ сѣдлѣ долженствуетъ оно означать какую нибудь часть онаго, имѣющую кривизну или погибь, и потому называющуюся *лукою*; а въ рѣкѣ также изгибъ ея или кривизну берега, и слѣдовательно то, что называется инымъ словомъ *заливъ*. Далѣе вѣтви онаго суть:

Лучица (уменьшительное отъ *лука̀*), заливецъ: *и вложи* (мать Моисеева) *отрока въ ковчежецъ, и положи его въ лучицѣ при рѣцѣ*. (Чет. мин.).

Лукоморье, губа, заливъ, часть моря, вдавшаяся въ берегъ дугою или *лукою*: *а нынѣ пойдемъ на нихъ за Донъ и до конца ихъ избьемъ; аже ны будетъ побѣда, идемъ и до лукоморья, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца свою славу и честь*. (Несторъ стр. 277).

Налякать или *наляцать*: напрягать тетиву, дабы лукъ больше сгибался, или *лука̀* становилась еще больше *лукою*: *налячеши языкъ твой яко лукъ*.

Слякать или *сляцать*; сгибать что либо въ *лукъ* или въ *луку* (т. е. въ крюкъ, въ дугу): *слячеши, яко серпъ, выю твою. Сляцаеми множествомъ прегрѣшеній*, и пр.

Слякій или *слукій:* сляченный, согбенный, скорченный: *и бѣ жена недужна и сляка.*

Облукъ (уменьш. облучокъ). Выгнутая нѣсколько деревина, покрывающая копылья у саней: *сидѣть на облуку.*

Излучина: извилина, изгибина, кривизна какой либо вещи или мѣста.

Излучисто: извилисто, изгибисто, непрямо.

Луковица, по причинѣ весьма крутаго изгиба, примѣчаемаго въ семъ овощѣ.

Лукошко, по причинѣ округлости сего сосуда.

Лукавство, умственная кривизна.

Лукавить, поступать нечистосердечно, не прямо, кривить душою.

Случéніе, случай, случáйность, случиться, случить, случка. — Разлученіе, разлука, разлучиться. — Отлученіе, отлучить, отлучиться, отлучка. — Прилученіе, прилучиться, прилучить, прилука. — Полученіе, получить, залучить, улучить, излучить, благополучіе, злополучіе, и проч.

Во всѣхъ сихъ словахъ первоначальное понятіе или мысль, всегда сопряженная съ ними, есть то самое свойство языка, въ которое любитель словесности, а осо-

бливо писатель, долженъ прилѣжно вникать, дабы употребленіемъ словъ искусно и правильно располагать. Зная, что такое *лукъ* или *лука*, я уже смѣло утверждаю, что когда лукъ натягивается или *налякается* тетивою, тогда обѣ половины, или обѣ *луки* его, *случаются*, то есть сходятся концами вмѣстѣ. Обстоятельство, одной только лукѣ свойственное; ибо концы прямой черты никогда не могутъ сходиться; надобно ее согнуть, или сдѣлать *лукою*, дабы онѣ *случились*, то есть сошлись концами вмѣстѣ. Равнымъ образомъ когда у *наляченнаго* лука тетива ослабляется, тогда обѣ *луки* его *разлучаются*, то есть расходятся врознь, приближаются къ положенію прямой черты. Изъ сего первоначальнаго понятія перехожу я въ другое, смежное съ нимъ: примѣчаю, что *слученіе* и *разлученіе* есть не иное что, какъ *соединеніе* и *раздѣленіе* или *расхожденіе*. Отсюду говорю *случай*, то есть стеченіе или соединеніе обстоятельствъ. *Случать собакъ* (говорятъ охотники), то есть скликать, собирать, когда онѣ разсѣяны. *Случка*, соединеніе. *Отлучить, отлучка:* отдалить, отдаленіе. *Приручить:* привязать, привлечь, приманить

къ себѣ. *Прилука:* тотъ или та, которая притягиваетъ, привлекаетъ къ себѣ. Въ пѣсни поется: *красная дѣвица, прилука молодецкая, прилучила къ себѣ молодца, приманила безталаннаго,* и проч. *Залучить:* приближить къ себѣ захваченіемъ въ средину *луки* или дуги. *Получить:* соединиться съ тѣмъ, что обыкновенно доходитъ до насъ чрезъ прохожденіе разныхъ путей, какъ бы *лукдю* или *по лукѣ.* Подобно тому и прочія слова, каждое заключаетъ въ себѣ не простое только значеніе, но разумъ, выводимый изъ первоначальнаго понятія, то есть изъ корня, отъ котораго сіе слово, какъ вѣтвь произрасло.

Изъ всего вышеписаннаго можемъ мы ясно усмотрѣть, какимъ образомъ мысль человѣческая, переходя отъ одного понятія къ другому, смежному съ нимъ, раждаетъ слова, и составляетъ цѣлыя семейства оныхъ. Почти каждое слово въ языкѣ нашемъ принадлежитъ къ какому нибудь изъ таковыхъ семействъ, и само собою, при малѣйшемъ вниманіи въ оное, показываетъ источникъ, откуду оно течетъ, то есть первоначальную, породившую его мысль. Въ языкахъ, которые не коренные, но составлены изъ разныхъ

языковъ, мы того не примѣчаемъ, или примѣчаемъ гораздо меньше. Сличимъ вышеприведенное нами семейство словъ съ соотвѣтствующими имъ словами другаго языка, напримѣръ Французскаго, мы увидимъ, что у нихъ нѣтъ той семейственности, и что слова ихъ суть разныхъ отцовъ дѣти:

Лукъ — — — —	arc.
Лука — — — —	courbe.
Излучина — — —	courbure.
Излучить, улучить —	saisir.
Излучистый — —	courbé, tortueux.
Случай — — — —	occasion.
Случайность — —	casualité.
Случайно — — —	par hasard.
Случается — — —	il arrive.
Случить — — —	reunir.
Случка — — —	accouplement.
Разлучить — — —	separer.
Отлучка — — —	absence.
Сляцать — — —	courber.
Наляцать — — —	tendre.
Луковица, луковка —	oignon.
Лукавство — — —	ruse.
Лукошко	} нѣтъ.
Прилучить	
Прилука	

Сіе соотвѣтствіе семейственныхъ словъ ихъ весьма недостаточно для точнаго выраженія нашихъ семейственныхъ именъ и глаголовъ; ибо, напримѣръ, слово ихъ reunir значитъ соединить, а не *случить;* accouplement, сочетаніе, а не *случка;* courber, сгибать, а не *слячать;* tendre, натягивать, а не *налячать;* absence, отсутствіе, а не *отлучка.* Глаголъ ихъ saisir хорошо выражаетъ *схватить человѣка* (saisir un homme), но худо выражаетъ *улучить время* (saisir le tems). Конечно и мы бы говорили *схватить время,* естьлибъ не имѣли приличнѣйшаго къ тому глагола *улучить.*

Хотя сему и быть не возможно, чтобъ семья словъ одного языка согласовалась точно съ семьею словъ другаго языка; однако же гдѣ таковыя семейства многочисленнѣе, и гдѣ ихъ больше, то кажется безошибочно заключить можно, что языкъ сей есть несравненно древнѣйшій и богатѣйшій, поелику видно, что онъ о составленіи словъ своихъ, такъ сказать, самъ умствовалъ, изъ самаго себя извлекалъ ихъ, раждалъ; а не случайно какъ нибудь заимствовалъ и собиралъ отъ другихъ народовъ.

Многія слова въ языкѣ нашемъ суть не просто звуки, условно означающія вещь, но заключающія сами въ себѣ знаменованіе оной, то есть описующія образъ ея, или дѣйствіе, или качество, и слѣдовательно заступающія мѣсто цѣлыхъ рѣченій. Напримѣръ въ названіи *вельможа* представляются мнѣ многія понятія совокупно: слово *вель* (отъ велій) напоминаетъ мнѣ о изяществѣ, о величіи; слово *можа* (отъ мощь или могущество) изображаетъ власть, силу. Французъ назоветъ сіе *grand Seigneur*, Нѣмецъ *grosser Herr*, и оба двумя своими словами не выразятъ мысли, заключающейся въ одномъ нашемъ словѣ; ибо слова ихъ, ни первыя *grand*, *grosser* (великъ), ни вторыя *Seigneur*, *Herr* (господинъ), не даютъ мнѣ точнаго понятія ни о словѣ *велій*, ни о словѣ *могущество*; они говорятъ только *великой господинъ*, а не *вельможа*.

Мы говоримъ *цѣломудріе*. Французы говорятъ *chasteté*. Нѣмцы *Keuschheit*. Какую мысль заключаютъ въ себѣ слова ихъ? Никакой, кромѣ условной, то есть основанной на вѣрѣ къ тому, отъ кого я ихъ услышалъ. Наше слово, напротивъ, само себя толкуетъ и объясняетъ. Я въ зна-

менованіи его не другому кому вѣрю, но ему самому; ибо во первыхъ нахожу въ немъ *цѣлость*, означающую или такую вещь, которая всѣ свои части при себѣ сохраняетъ, или такую, въ которой ни одна изъ ея частей не повредилась; а потому въ первомъ случаѣ соотвѣтствуетъ оно Французскимъ словамъ *entier, tout entier;* а во второмъ словамъ *pur, simple, innocent.* Въ такомъ разумѣ сказано: *будьте мудри яко зміи, и цѣли яко голуби*, то есть ни чѣмъ не повреждены, невинны, чисты, непорочны. Во вторыхъ, къ сему понятію присовокуплено еще понятіе о мудрости. Слѣдовательно слово *цѣломудріе* само собою значитъ: *мудрое сохраненіе себя во всей чистотѣ и непорочности.* Представляется ли вся сія мысль Французу или Нѣмцу въ словахъ ихъ *chasteté* и *Keuschheit*, въ составѣ которыхъ нѣтъ ничего напоминающаго о *мудрости* и *неповрежденности* или непорочности? Сколько мы таковыхъ словъ въ языкѣ нашемъ показать можемъ: *присносущный, благообразный, лютонравный, пѣснопѣніе, благоуханіе, чадолюбіе, искони, вретище, сладкорѣчіе*, и тысячи тому подобныхъ.

Естьли иностранные языки въ чемъ нибудь и равняются съ нашимъ, то весьма ограниченно и скудно. Напримѣръ мы говоримъ *мощный* и *всемощный*, или *могущій* и *всемогущій*. Французъ можетъ тоже сказать *puissant* и *tout-puissant*, Нѣмецъ тоже *mächtig* и *almächtig*; но въ словахъ *всесильный*, *всеблагій*, *всещедрый*, *всерадостный*, *вседержитель*, *всеоружіе*, *всецарь*, и проч., тотчасъ отъ насъ отстанутъ.

Богатство языка нашего, происходящее отъ сложенія предлоговъ съ именами и глаголами, имъ почти совсѣмъ неизвѣстно. Отсюда происходитъ, что они могутъ сказать, напримѣръ, *пою* (je chante), но не могутъ сказать ни *попѣваю*, ни *распѣваю*, безъ описанія того другими словами, недостаточно выражающими наше слово, какъ напримѣръ *попѣвать* переводятъ: *chanter quelquefois ou un peu* (пѣть иногда или не много); *распѣвать: chanter d'un ton trainant* (пѣть протяжнымъ голосомъ). Скажутъ *лежать* (coucher), но не могутъ сказать ни *лечь*, ни *прилечь*, ни *полежать*, ни *разлечься*, ни *разлежаться*, ни *отлежать*, ни *належать*, ни *улежать*, ни *пролежать*.

Уменьшительныхъ: *колечко*, *ручка*, *сердечко*, *сердечушко*, *малешенько*, *ранешенько*;

увеличительныхъ: *столище, домище, ручища;* показующихъ степень качества: *бѣловатъ, кругловатъ;* усѣченныхъ: *бѣленекъ, кругленекъ, великонекъ,* или очень мало, или совсѣмъ не имѣютъ.

Причастіе у нихъ одинакое: слѣдовательно и простое и высокое вмѣстѣ. Они не могутъ его по нашему разнообразить; не могутъ сказать и *гремяй* и *гремящій* и и *гремучій;* не могутъ въ высокомъ слогѣ выразить нашихъ: *сѣдящъ, сѣдяй;* ниже въ простомъ *идучи, скачучи,* и проч.

Но я бы долго не кончилъ, естьлибъ захотѣлъ подробно исчислить всѣ преимущества языка нашего предъ другими. Для того удовольствуемся тѣмъ, что сказано, и станемъ продолжать разсужденія наши.

СТАТЬЯ II.

О краснорѣчіи Священныхъ Писаній.

Мы показали отчасти богатство мыслей, заключающееся въ словахъ нашихъ; видѣли превосходство ихъ предъ словами другихъ языковъ. Изъ сего краткаго по-

казанія можемъ посудить, какая разность въ высотѣ и силѣ языка долженствуетъ существовать между Священнымъ Писаніемъ на Славенскомъ и другихъ языкахъ: въ тѣхъ сохранена одна мысль; въ нашемъ мысль сія одѣта великолѣпіемъ и важностію словъ. Нужно ли еще вновь представить тому доказательства изъ примѣровъ? мы тотчасъ увидимъ сіе изъ самаго краткаго сличенія. Возмемъ первый Давидовъ псаломъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде. Но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ его поучится день и нощь. И будетъ яко древо насажденно при исходищахъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ, и вся, елика аще творитъ, успѣетъ: Не тако нечестивіи, не тако: но яко прахъ, его же возметаетъ вѣтръ отъ лица земли,* и проч. Возмемъ теперь Французскую Библію и посмотримъ, какъ сказано въ ней *блаженъ мужъ? Heureux l'homme.* Вотъ уже первыя два слова не равняются съ нашими: *heureux* (щастливъ) не выражаетъ нашего *блаженъ*; *l'homme* (человѣкъ) не выражаетъ нашего *мужъ.* Какъ сказано: въ законѣ Господни воля его?

qui prend son plaisir dans la loi de l'Eternel. Можетъ ли сіе выраженіе сравниться съ простотою и силою нашего: *въ законѣ Господни воля его?* Какъ сказано: *и на сѣдалищи губителей не сѣде? qui ne s'assied point au banc des moqueurs.* Во первыхъ слово ихъ *banc*, которое не выше нашихъ *лавка, скамья*, далеко уступаетъ слову *сѣдалище;* во вторыхъ *moqueur* (насмѣшникъ) не выражаетъ нашего *губитель;* въ третьихъ *s'assied* употребляется у нихъ: говоря о всякомъ лицѣ; у насъ напротивъ о простомъ лицѣ говорится *сидитъ*, о высокомъ же *сѣдитъ*. Какъ сказано: *не тако нечестивіи, не тако; но яко прахъ, егоже возметаетъ вѣтръ отъ лица земли? il n'en sera pas ainsi des mechans; mais ils seront comme la bale que le vent chasse loin.* Гдѣ въ семъ выраженіи сила повторенія: *не тако нечестивіи, не тако?* въ словахъ: *mais ils seront comme la bale que le vent chasse loin,* естьли хотя малѣйшая тѣнь сего толь естественнаго и толь краснорѣчиво сказаннаго подобія: *но яко прахъ, егоже возметаетъ вѣтръ отъ лица земли* *).

(* Сіе сравненіе сдѣлано противъ Французской Библіи, изданной *Остервальдомъ* (par J. F. Osterwald). Но какъ французы имѣютъ разные переводы Псалтыри, то

Сколько бы мы ни взяли примѣровъ, вездѣ будемъ находишь одно и шоже. Есшьли бы гдѣ и нашли у нихъ преимущесшвеннѣйшее предъ нашимъ выраженіе или слово, шо уже конечно въ двашцаши дру-

---

(дабы не ошнесли къ слабосши перевода слабосшь языка) возмемъ лучшій изъ оныхъ, а именно Лагарповъ. Сей знаменишый писашель сшарался, сколько возможно, сохранишь красошы подлинника. Мы увидимъ шо изъ его перевода. Онъ начинаешь: *heureux l'homme qui ne s'est point laissé aller aux conseils des impies, qui ne s'est point arrêté dans la voie des pecheurs, et ne s'est point assis dans la chaire de corruption.* Сличимъ сіе начало съ нашимъ: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде.* Во первыхъ какая крашкосшь! во Францускомъ 36 ошдѣляющихся одно ошъ другаго словъ, а въ нашемъ 20. Во вшорыхъ слова избраннѣе: *блаженъ мужъ сѣдяй*, а не *щастливъ тотъ человѣкъ, которой сидитъ* (heureux l'homme assis); въ шрешьихъ: какая плавносшь! Гдѣ найдемъ мы въ нашемъ сіи длинныя повшоренія: *qui ne s'est point* laissé, *qui ne s'est point* arrêté, *qui ne s'est point* assis? Онъ сохранилъ красошу выраженія: *но въ законѣ Господнѣ воля его*, сказавъ: *mais dont la volonté est dans la loi du Seigneur;* однако, сохраня шуже мысль, не могъ сохранишь шойже самой крашкосши; ибо въ нашемъ выраженіи шолько шесшь, а въ его десяшь словъ. Онъ хошѣлъ шакже сохранишь красошу выраженія: *не тако нечестивіи, не тако;* но какъ же принужденъ былъ сказашь? Вошъ какъ: *il n'en sera point ainsi des impies; non, il n'en sera point ainsi.* Сколько словъ! Распросшраняя подобныя замѣчанія на всѣ Священныя Писанія, какое ошкрываешся превосходсшво одного языка предъ другимъ!

гихъ мѣстахъ окажется противное тому. О неподражаемомъ витійствѣ духовныхъ пѣснопѣній писали многіе, между прочими во Франціи Ролленъ. Но когда онъ на своемъ языкѣ находитъ такое превосходство, то уже мы на своемъ, по всѣмъ вышесказаннымъ причинамъ, должны находить оное въ высочайшемъ несравненно степени. Изъ нашихъ писателей Ломоносовъ, хотя нигдѣ не распространился о языкѣ и краснорѣчіи Священныхъ Писаній, однако чувствуя важность ихъ упомянулъ, что безъ чтенія оныхъ не можемъ мы никогда быть сильны въ словесности, и во всѣхъ его сочиненіяхъ (какъ то ниже показано будетъ) явствуетъ, какъ много напоилъ онъ себя духомъ и мыслями изъ сего богатаго источника.

Дѣйствительно, Священныя Писанія равно необходимы намъ, какъ для души нашей, такъ и для ума. Сколько полезны онѣ для нравственности, столько же и для словесности; ибо безъ чтенія и упражненія въ оныхъ не познаемъ мы никогда высоты и силы нашего языка. Можетъ быть онѣ становятся уже для насъ темны; но сіе то самое и показываетъ паденіе словесности. Гомеровъ языкъ долженъ

отчасу темнѣе становиться для тѣхъ новѣйшихъ Грековъ, которые никогда не читаютъ твореній сего безсмертнаго стихотворца; между тѣмъ, какъ оныя по сіе время не потемнѣютъ для тѣхъ чужестранцевъ Гомеру, которые не могутъ никогда престать красотамъ его удивляться. Когда мы предѣлы языка и красорѣчія такъ стѣснимъ, что станемъ только то почитать хорошимъ, къ чему разумъ и ухо наше отъ ежедневнаго употребленія привыкли, или что отъ частаго повторенія въ чтеніи свѣтскихъ книгъ сдѣлалось намъ ясно, тогда мы нѣкоторыхъ кратких выраженій (въ которыхъ часто вся сила и красота языка заключается), нѣкотораго особаго словосочиненія священныхъ книгъ понимать не будемъ; слѣдовательно и краснорѣчіе ихъ надъ нами не подѣйствуетъ. Напримѣръ, когда мы вдругъ прочитаемъ сей Ирмосъ: *судилищу Пилатову предстоитъ хотяй безаконному суду, яко судимъ судія, и отъ руки неправды заушается Богъ, Егоже трепещутъ земля и небесная.* (Шестодн. л. 178), то не прежде выразумѣемъ всю силу словъ сихъ, какъ по нѣкоемъ внимательномъ разсмотрѣніи оныхъ. *Судилищу Пи-*

латову предстоитъ хотяй—что такое *хотяй?* краткость выраженія сего насъ остановитъ. Но при малѣйшемъ вниманіи мы тотчасъ увидимъ, что оное значитъ *по собственному своему произволенію;* ибо естьли бы Христосъ не хотѣлъ стоять предъ судомъ Пилатовымъ, такъ бы и не стоялъ. Далѣе: *беззаконному суду, яко судимъ Судія.* — Также и сіе выраженіе затруднитъ насъ; но съ малѣйшимъ знаніемъ языка и вниманіемъ мы тотчасъ проницаемъ въ немъ слѣдующую мысль: кто предстоитъ беззаконному суду? *Судія всего міра!* какъ предстоитъ? *яко подсудимый!* Не открывается ли уже намъ красота мыслей въ словахъ сихъ: *судилищу Пилатову предстоитъ хотяй, беззаконному суду, яко судимъ судія?* За симъ прекраснымъ началомъ какой удивительный конецъ слѣдуетъ: *и отъ руки неправды заушается Богъ, Егоже трепещутъ земля и небесная.* Можно ли что нибудь сильнѣе сего представить для возбужденія въ насъ любви ко Всевышнему Творцу? Какое величество и въ какомъ посрамленіи! Судія всего міра предстоитъ, яко подсудимый, беззаконному суду Пилатову, и отъ руки неправды претерпѣваетъ самое поноснѣй-

шее поруганіе: удареніе по ланитамъ! Кто претерпѣваетъ? Богъ, котораго трепещутъ земля и небеса! По какой нуждѣ претерпѣваетъ сіе? Безъ всякой нужды, *хотяй!* для чего *хотяй?* для того, чтобъ во удовлетвореніе истинѣ и правосудію безчестіемъ и страданіемъ своимъ искупить весь родъ человѣческій отъ погибели! Ежели таковое изображеніе величія Божія, восхотѣвшаго по безмѣрной благости и милосердію сойти для насъ въ самое уничиженнѣйшее состояніе, ежели, говорю, таковое поразительное изображеніе не въ силахъ поколебать души нашей, такъ она должна быть каменная, не имѣющая ни чувствъ, ни разума.

Возмемъ другой Ирмосъ: *страхомъ къ Тебѣ яко рабыня, смерть повелѣвшися приступи Владыцѣ живота, тою подающаго намъ безконечный животъ и воскресеніе.* (Тамъ же). Безсомнѣнія сіи первыя слова: *страхомъ къ Тебѣ яко рабыня, смерть повелѣвшися приступи Владыцѣ живота*, покажутся намъ темны; но вникая въ оныя мы скоро удивимъ, что смыслъ ихъ есть слѣдующій: *смерть, по повелѣнію Твоему, со страхомъ, яко рабыня приступила къ Тебѣ Владыкѣ живота*, и тогда тотчасъ по-

чувствуемъ, что не можно ничего приличнѣе и лучше сказать, говоря о смерти Богочеловѣка-Христа. Изъ сего мы удобно видимъ, что не токмо въ ясныхъ Священнаго Писанія мѣстахъ, но и въ самыхъ тѣхъ, которыя по причинѣ пѣснопѣвнаго расположенія словъ ихъ кажутся быть темными, открываются однакожъ великія красоты, какъ скоро оныя со вниманіемъ разсмотрѣны будутъ. Высокихъ твореній не возможно съ такоюже легкостію читать, съ какою пробѣгаются простые стишки, или повѣсти и расказы, служащія пищею одному любопытству, а не уму. Глубокомысленный писатель требуетъ и въ читателѣ глубокомыслія. Отсюду происходитъ, что духовныя творенія наши весьма полезны тому, кто въ краснорѣчіи желаетъ упражняться. Онѣ принуждаютъ его о каждомъ выраженіи, о каждомъ словѣ, размышлять, умствовать, рождаютъ въ немъ чувство, разсудокъ, вкусъ, и часто научаютъ его тому, чего онъ прежде не зналъ, и чего никакія книги иностранныя показать ему не могли. Когда я въ Іовѣ (гл. 15) прочитаю сіе изрѣченіе о зломъ человѣкѣ: *посѣченіе его прежде часа растлѣетъ, и лѣторасль его не*

облиственѣетъ, тогда научаюсь, конечно, сему новому для меня, сему прекрасному выраженію: *и лѣторасль его не облиственѣетъ.* Когда тамъже прочитаю вопросъ сей: *еда первый отъ человѣкъ рожденъ еси? или прежде холмовъ сгустился еси?* Тогда опять нахожу новое для меня выраженіе *сгустился.* Оно подаетъ мнѣ поводъ къ размышленію. Не лучше ли, думаю поставить здѣсь *сотворился*, *сдѣлался*, *составился*, *произшелъ?* Нѣтъ, продолжаю думать, въ первомъ вопросѣ, гдѣ человѣкъ сносился съ человѣками, сказано *рожденъ*; но во второмъ вопросѣ, гдѣ человѣкъ сносится съ холмомъ, надобно сыскать и слово обоимъ имъ, но болѣе холму приличное; а потому *сотворился*, *сдѣлался*, не хорошо; *составился*, *произшелъ*, хотя и лучше, однако сіи глаголы не показываютъ, не изображаютъ мнѣ той густоты, какую глазъ мой видитъ въ холмѣ; и такъ всѣ сіи слова испортятъ выраженіе: *или прежде холмовъ сгустился еси.* Когда въ главѣ шестнатцатой прочитаю: *да пріидетъ мольба моя ко Господу, предъ Нимъ же да каплетъ око мое*, тогда хотя и знаю много другихъ выраженій, подобныхъ послѣднимъ въ сей рѣчи словамъ, таковыхъ,

какъ *станемъ плакать предъ нимъ, рыдать, проливать слезы*, однако чувствую, что всѣ сіи выраженія не такъ сильны, не такъ важны, какъ выраженіе *да каплетъ око мое предъ Нимъ!* Сколько найду я подобныхъ мѣстъ, изъ которыхъ обогащаюсь мыслями и научаюсь знать силу словъ и языка! Что можетъ быть поразительнѣе и ужаснѣе сихъ выраженій, какими удрученный всѣми злосчастіями Іовъ описываетъ свое состояніе: *тлѣю духомъ носимь—прошу же гроба и не улучаю. Молю болѣзнуя, и что сотворю?—Дніе мои прейдоша въ теченіи, расторгошася же удове сердца моего. Нощь въ день преложилъ—адъ ми есть домъ, въ сумрацѣ же постлася ми постеля: смерть назвахъ отца моего быти, матерь же и сестру ми гной. Гдѣ убо еще есть ми надежда?* и проч. Какое оближеніе самыхъ любезнѣйшихъ предметовъ съ самыми ужаснѣйшими? Могилу почитать домомъ своимъ! Мракъ постелею! Смерть отцемъ! Гной матерью, и сестрою! Но таковъ есть образъ смерти. Истина представлена здѣсь въ самомъ только ужаснѣйшемъ видѣ, впрочемъ не перестаетъ быть истинною.

Прейдемъ ли отъ Іова къ великолѣ-

тію и грому псалмомъ Давидовыхъ? Когда божественный пѣснопѣвецъ сей начинаетъ говоритъ о Богѣ, какая въ словахъ его изображается любовь и надежда на него: *возлюблю тя Господи крѣпосте моя, Господь утвержденіе мое, и прибѣжище мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на него: защититель мой, и рогъ спасенія моего, и заступникъ мой!* Кажется уста его не могутъ насытиться повтореніемъ имени Господня и различными благодѣяній Его исчисленіями. Кончитъ и опять начинаетъ. Толико силенъ въ немъ духъ благодарности! Когда же говоритъ о бѣдствіяхъ своихъ, отъ которыхъ бы погибъ онъ безъ помощи Божіей, то какими пламенными чертами изображаетъ ихъ; *одержаша мя болѣзни смертныя, и потоцы беззаконія смятоша мя. Болѣзни адовы обыдоша мя, предвариша мя сѣти смертныя!* Посреди сихъ бѣдствій, уготованныхъ ему отъ враговъ его, взываетъ онъ ко Всевышнему. Богъ услышалъ теплыя молитвы его, и когда подвигнулся на помощь ему, тогда *трепетна бысть земля, и основаніе горъ смятошася.* Толикій страхъ и потрясеніе въ природѣ производитъ единое мановеніе

Божіе! Но послушаемъ, какими чертами описываетъ онъ грядущаго на помощь къ нему Творца: *взыде дымъ гнѣвомъ Его, и огнь отъ лица Его воспламенится: угліе возгорѣся отъ Него. И приклони небеса и сниде, мракъ подъ ногама Его.* (Одно сіе выраженіе: *и приклони небеса*, даетъ уже величественное, страшное понятіе о томъ, кто съ нихъ низходитъ). *И взыде на Херувими, и лете, лете* (прекрасное повтореніе) *на крилу вѣтреню. — Отъ блистанія предъ Нимъ облацы проидоша: и угліе огненное!* (Таковъ во славѣ и во гнѣвѣ Богъ)! *И возгремѣ съ небесе Господь, и вышній даде гласъ свой. Низпосла стрѣлы, и разгна я* (т. е. враговъ): *и молніи умножи, и смяте я. И явишася источницы водніи, и открышася основанія вселенныя.* — Отъ чего природа въ такомъ ужасѣ и движеніи, что глубина водъ разступилась и открыла основанія вселенной? — *Отъ запрещенія Твоего Господи, отъ дохновенія духа гнѣва Твоего.* Какая высота въ мысляхъ! Какая сила въ выраженіяхъ и словахъ!

Индѣ съ какою громкостію начинаетъ онъ воспѣвать Бога: *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь. День дни отрыгаетъ глаголъ, и нощъ*

нощи возвѣщаетъ разумъ. Не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ: во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ. Подлинно созерцаніе небесъ, премѣны дня съ нощію, всѣ сіи чудныя, великолѣпныя явленія, не суть рѣчи или словеса, но вѣщанія, исходящія во весь міръ, и громче всякаго языка или гласа проповѣдующія славу своего Создателя. *Въ солнцѣ положи селеніе Свое: и той яко женихъ исходяй отъ чертога Своего, возрадуется яко исполинъ тещи путь: отъ края небесе исходъ Его, и срѣтеніе Его до края небесе: и нѣсть, иже укрыется теплоты Его.* Подлинно подобно блистающему въ златыхъ одеждахъ жениху выходитъ оно изъ чертога своего. Подлинно, какъ исполинъ, надѣющійся на силу свою, радуется, что предпріемлетъ тещи сей великій путь, котораго начало есть одинъ, и котораго конецъ есть другой край неба. Подлинно ничто не укроется отъ теплоты животворныхъ, всепроницающихъ лучей его. Послѣ сего величественнаго изображенія славы Бога, кто не повѣритъ, что: *законъ Господень непороченъ; свидѣтельство Господне вѣрно, умудряющее младенцы. Оправданія Господня*

права, веселящая сердце. Заповѣдь Господня свѣтла просвѣщающая очи. Страхъ Господень чистъ, пребываяй въ вѣкъ вѣка. Судьбы Господни истины оправданны вкупѣ; вожделѣнны паче злата и камене честна многа, и сладша паче меда и сота?

Въ иномъ мѣстѣ, по исчисленіи тяжкихъ народа своего страданій въ плѣну, съ какимъ огнемъ и движеніемъ духа проситъ онъ Бога о избавленіи своемъ: *зане Тебе ради умерщвляемся весь день, вмѣнихомся яко овцы заколенія. Востани, вскую спиши Господи? Воскресни и не отрини доконца. Вскую лице Твое отвращаеши? Забываеши нищету нашу и скорбь нашу? Яко смирися въ перстъ душа наша, прилпе земли утроба наша. Воскресни Господи, помози намъ, избави насъ имене ради Твоего.* Какія смѣлыя выраженія: *вскую спиши Господи? Вскую лице Твое отвращаеши? Забываеши нищету нашу и скорбь нашу!* Кажется, какъ будто онъ укоряетъ Бога; какъ будто говоритъ Ему нѣчто оскорбительное и дерзновенное. Но можетъ ли благость Божія оскорбиться сими взываніями, обнажающими предъ Нимъ всю внутренность души, и которыхъ смѣлость родилась отъ сильнаго желанія призвать Его къ себѣ

на помощь? Можетъ ли чадолюбивый отецъ прогнѣваться на сына, вопіющаго къ нему всемъ гласомъ любви и надежды своей на него? Притворная любовь робка отъ опасенія, чтобъ не проникнули оную; истинная любовь смѣла, отъ увѣренности на свою искренность. Колико сіи смѣлые вопросы отъ персти, отъ червя, должны всемогущему Богу быть пріятны въ смѣшеніи съ сими уничиженными мольбами: *воззри на нищету нашу, смирися въ персть душа наша, прилпе земли утроба наша: воскресни, и не отрини до конца, воскресни Господи, помози намъ, и избави насъ имени ради Твоего!* Сіе соединеніе простыхъ и смѣлыхъ выраженій вмѣстѣ съ усильными и уничиженными, есть жаръ кипящаго усердія, есть разумѣніе чувствовать и высокое искуство писать.

Но кто исчислитъ всѣ красоты, находимыя въ Священныхъ Писаніяхъ? Здѣсь, въ Псалтири замѣтили мы, какъ въ морѣ каплю воды, нѣсколько такихъ мѣстъ, въ которыхъ видно пареніе духа, выспренность мыслей и высота языка; но перейдемъ въ пѣсни пѣсней: тамъ найдемъ мы совсѣмъ другое: языкъ простѣе, мягче, нѣжнѣе. Напримѣръ сіе призываніе

къ себѣ невѣсшы исчисленіемъ весеннихъ прелесшей: *востани, пріиди ближняя моя, голубице моя, яко се зима прейде. Дождь отыде. Цвѣти явишася на земли, время обрѣзанія приспѣ; смоквь изнесе цвѣтѣ свой, винограды зрѣюще даша воню. Востани, пріиди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя, пріиди; яви ми зракѣ твой, и услышанѣ сотвори ми гласѣ твой: яко гласѣ твой сладокѣ, и образѣ твой красенѣ.* Индѣ быстрота слога сопряжена съ нѣкоторою величественною нѣжностію, какъ напримѣръ въ сей рѣчи: *востани сѣвере, и гряди юже, и повѣй вѣ вертоградѣ моемѣ, и да потекутѣ ароматы моя;* или въ сей: *дщери Сіони изыдите и видите Царя Соломона вѣ вѣнцѣ, имже вѣнча мати его, вѣ день обрученія, и вѣ день веселія сердца его.* Многія кратнкія рѣченія содержатъ въ себѣ силу, до какой простое нарѣчіе никогда возвысишься не можетъ. Возмемъ сіе мѣсто въ пятой главѣ, гдѣ невѣсша видитъ во снѣ жениха своего, пришедшаго въ бурную ночь къ дверямъ ея спальни, и просящагося войти къ ней. Она съ трепетомъ отворяетъ двери, но онъ сказавъ нѣчто, проходитъ мимо и становится невидимъ: *отверзохѣ азѣ брату моему* (слово братъ

пріемлется въ пѣсняхъ пѣсней за слово женихъ). *Братъ мой прейде. Душа моя изыде въ слово его. Взыскахъ его, и не обрѣтохъ его, звахъ его, и не послуша мене.* Можно ли живость и силу чувствованія, при услышаніи голоса возлюбленнаго своего, выразить лучше сего: *душа моя изыде въ слово его?* Какой новѣйшій языкъ скажетъ такъ сильно? Посмотримъ, напримѣръ, тожъ самое выраженіе на Французскомъ языкѣ: *mon ame se pâma de l'avoir oui parler.* Гдѣ въ семъ слабомъ сказаніи то живое, жаркое чувствованіе, какое пылаетъ въ рѣчи: *душа моя изыде въ слово его?* Но мы устанемъ, приводя примѣры сихъ красотъ, сихъ выраженій краткихъ, сильныхъ, великолѣпныхъ: *братъ мой бѣлъ и черменъ, избранъ отъ темъ. Глава его злато избранно; власы его кудрявы, черны, яко вранъ. Ланиты его, аки фіалы ароматъ, прозябающія благовоніе. Устнѣ его крины, каплющіи смирну. Лыста его столпи мармоковы, основаны на степенехъ златыхъ. Гортань его сладость, и весь желаніе.* Сравнимъ сіе послѣднее выраженіе: *гортань его сладость, и весь желаніе*, съ Французскимъ: *son palais n'est que douceur, tout ce qui est en lui sont des choses désirables*, не почувствуемъ ли чрезмѣрной

разности между сими двумя выраженіями? Сколько одно кратко и сильно, столько другое растянуто и слабо. Свойство нашего языка позволяетъ сказать прямо: *гортань его сладость*. Французъ, напротивъ не можетъ сказать: *son palais douceur;* ему надобно непремѣнно включить тутъ ослабляющія рѣчь сію ненадобныя намъ слова *n'est que* (не есть какъ). Мы можемъ сказать: *весь желаніе*; а онъ вмѣсто сего долженъ сказать: *все то, что есть въ немъ, суть вещи желаемыя*. Какое безполезное многословіе!

Что составляетъ краснорѣчіе, какъ не избранныя, богатыя смысломъ слова, расположенныя такимъ образомъ, что услаждаютъ вмѣстѣ и слухъ и разумъ? Что составляетъ силу и высоту слога, какъ не краткость? Но чтожъ иное, какъ не то вездѣ примѣчаемъ мы въ языкѣ нашемъ? Сколько въ Сирахѣ, въ Притчахъ Соломоновыхъ, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, въ Пророкахъ, въ Посланіяхъ и проч., находимъ мы (не говоря о цѣлыхъ мѣстахъ, требующихъ пространныхъ выписокъ) однихъ краткихъ, исполненныхъ разума рѣченій, таковыхъ, какъ: *законъ мудрому источникъ жизни.—Ярость царева*

вѣстникъ смерти. — *Мудрый во устахъ носитъ разумъ.*—*Вѣнецъ хвалы старость.*—И тому подобныхъ?

Наконецъ обратимся ли отъ Библіи къ молитвамъ нашимъ, къ священнымъ обрядамъ, сколько и тамъ найдемъ сильныхъ, краснорѣчивыхъ мѣстъ? Что можетъ быть печальнѣе сего размышленія о смерти при погребеніи человѣка: *плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну, безславну, не имущую вида. О чудесе! что сіе еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти? Во истину Бога повелѣніемъ,* и пр. Во многихъ Риторикахъ читаемъ мы примѣры извѣстнаго въ краснорѣчіи украшенія, называемаго *Займословіемъ*, которымъ влагается рѣчь во уста мертваго; но гдѣ найдемъ примѣръ жалостнѣйшій сего при погребеніи пѣнія: *зряще мя безгласна, и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ братія и друзи, сродницы и знаемііи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, и внезапу найде на мя страшный часъ смертный: но пріидите вси любящіи мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣлованіемъ. Къ судіи бо отхожду, идѣ же*

нѣсть лицепріятія, рабъ бо и владыка вкупѣ предстоятъ, царь и воинъ, богатый и убогій, въ равномъ достоинствѣ: кійждо бо отъ своихъ дѣлъ, или прославится, или постыдится, и проч.? Каждая рѣчь, каждое слово пронзаетъ сердце.

Но не уже ли могу я исчислить всѣ красоты въ Священныхъ Писаніяхъ, въ нравоучительныхъ духовныхъ твореніяхъ, въ житіяхъ Святыхъ Отецъ, въ сочиненіяхъ Димитрія Ростовскаго, въ проповѣдяхъ Ѳеофановыхъ, Платоновыхъ и проч.? Не достанетъ моихъ на то ни силъ, ни разума, ни жизни! Итакъ оставимъ сіе великое море тому, чей умъ, для обогащенія своего, хочетъ въ немъ плавать, странствовать, собирать, и обратимся къ третьему нашему разсужденію.

СТАТЬЯ III,

Въ которой разсматривается, какими средствами словесность наша обогащаться можетъ, и какими приходить въ упадокъ.

Мы разсмотрѣли въ первой статьѣ превосходныя свойства языка нашего. Мы

показали во второй статьѣ употребленіе сихъ свойствъ въ красотахъ Священныхъ Писаній. Изъ сихъ двухъ разсмотрѣній довольно явствуетъ, что источникъ языка нашего богатъ коренными словами, изобиленъ вѣтвями отъ оныхъ, и что намъ для украшенія нынѣшняго нашего нарѣчія остается только черпать изъ онаго. Но распространившіеся ко вреду словесности толки о мнимой разности Славенскаго языка съ Рускимъ не только не даютъ ей процвѣтать, ниже пребывать твердою и постоянною. Сіи толки можемъ мы видѣть и читать во многихъ нынѣшнихъ книгахъ. Итакъ о семъ намѣренъ я распространить мое слово. Хотя таковое изслѣдованіе излишне для ученыхъ мужей, составляющихъ Россійскую Академію; но не излишне оное для всего круга людей, упражняющихся въ словесности.

Отколѣ родилась неосновательная мысль сія, что Славенскій и Рускій языкъ различны между собою? Ежели мы слово *языкъ* возмемъ въ смыслѣ нарѣчія или слога, то конечно можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или

полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ. Слово о полку Игоревомъ, Библія, Четиминеи, Несторова лѣтопись, Өеофановы проповѣди, Кантемировы сатиры, оды Ломоносова, сочиненія Петрова, Богдановича, и проч., суть книги, писанныя разными слогами и нарѣчіями, но языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же Славенской или Руской. Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви отъ нихъ произшедшія. Когда оныя въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣтвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего удалилось: тогда уже оное не есть болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ. Гдѣжъ примѣчаемъ мы то въ нашемъ нарѣчіи? Мы не имѣемъ нынѣ двойственнаго числа, не говоримъ *ядоста, идоста, ногама, рукама*; но говоримъ *ядятъ*, *идутъ*, *руками*, *ногами*; мы у тѣхъ же самыхъ именъ и глаголовъ измѣнили только окончаніе: слѣдовательно разность не въ языкѣ, а въ нарѣчіи, нимало не уклонившемся чрезъ то отъ разума и свойствъ язы-

ка. Скажутъ: мы много имѣемъ двоякихъ именъ, изъ которыхъ однѣ Рускія, а другія Славенскія, напримѣръ по Руски *глазъ, лобъ, щоки, плечи*, а по Славенски *око, чело, ланиты, рамена*. Но чѣмъ докажутъ мнѣ, что *глазъ*, *лобъ*, *щоки*, *плечи*, суть Рускія, а не Славенскія названія? Сошлются ли на то, что ихъ нѣтъ въ Священныхъ Писаніяхъ. Это не доказательство: 1е по тому, что во всякомъ языкѣ есть сословы, слѣдовательно и въ нашемъ быть должны. 2е, Что нѣкоторые изъ нихъ и въ Священныхъ книгахъ попадаются. Напримѣръ индѣ сказано *рамена*, индѣ *плещи* или *плечи*. 3е, Священныя книги обыкновенно пишутся высокимъ или важнымъ слогомъ, а по тому, хотя бы въ нихъ и не было нѣкоторыхъ словъ, это не отрицаетъ еще существованія оныхъ въ Славенскомъ языкѣ; ибо въ какомъ важномъ сочиненіи найдемъ мы *калякать, кобениться, задориться, пригорюниться, ошеломить, треснуть въ рожу*, и подобныя тому простыя или низкія слова? Весьма бы странно было признать ихъ не Славенскими для того только, что ихъ нѣтъ въ высокихъ твореніяхъ, въ которыхъ имъ и быть неприлично. Возмемъ Библію, лѣто-

писи, народныя сказки или пѣсни: въ каждомъ изъ сихъ трехъ родовъ сочиненій найдемъ мы разные слоги, разныя нарѣчія, и множество словъ особливыхъ, въ другомъ родѣ не существующихъ, но которымъ корни однакожъ находятся въ общемъ языкѣ, всѣ сіи роды объемлющемъ. Мы конечно не найдемъ въ народномъ языкѣ ни *благовонія*, ни *воздоенія*, ни *добледушія*, ни *древодѣлія*; а напротивъ того въ Библіи не найдемъ ни *любчика*, ни *голубчика*, ни *удалаго добраго молодца*; однако не можемъ изъ сего различія заключить о разности языковъ. Всякое слово, какъ мы въ первой статьѣ видѣли, пускаетъ отъ себя вѣтви, изъ которыхъ иныя приличны высокому, а другія простому нарѣчію или слогу. Изъ сего раздѣленія ихъ не слѣдуетъ утверждать, будто бы оныя не одно и тожъ дерево составляли. Могутъ еще сослаться на слова *лошадь*, *колпакъ*, *кучеръ*, *артиллерія*, *фортификація*, и проч.: но сіи столькоже не Славенскія, сколько и не Руской, потому что изъ чужихъ языковъ взяты. Чтожъ такое Руской языкъ отдѣльно отъ Славенскаго? Мечта, загадка. Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ ни одно-

го слова? Между тѣмъ однакожъ, не взирая на сію несообразную странность, многіе новѣйшіе писатели на семъ точно мнимомъ раздѣленіи основываютъ словесность нашу. Они не о томъ разсуждаютъ, что такое-то слово въ такомъ-то слогѣ высоко или низко; таковое сужденіе было бы справедливо; но нѣтъ, они о каждомъ словѣ особенно, не въ составѣ рѣчи, говорятъ: это Славенское, а это Руское. Сіе неудобовозможное раздѣленіе основываютъ они на томъ мечтательномъ правилѣ, что которое слово употребляется въ обыкновенныхъ разговорахъ, такъ то Руское, а которое не употребляется, такъ то Славенское. Утверждаясь на семъ мнѣніи, проповѣдуютъ они, что всѣ Славенскія слова надобно исключить изъ нынѣшняго языка и писать, какъ говоримъ. Въ этомъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ совершенное краснорѣчіе. Они называютъ это *утонченною литтературою* или *новою эпохою языка*, и все то, что до нихъ, или не по ихъ писано, отвергаютъ, яко старое и обветшалое. Разсмотримъ, основательно ли сіе ихъ умствованіе.

Мы доказали, что Славенской и Ру-

ской языкъ есть одно и тоже. А когда языкъ одинъ, то и нарѣчія онаго, хотя бы онѣ разнствовали между собою, не могутъ называться одно Славенскимъ, а другое Рускимъ; въ такомъ случаѣ предполагалось бы различіе въ сихъ двухъ языкахъ. Но положимъ, что мы для различенія прежняго и нынѣшняго нарѣчія назовемъ, хотя и несвойственно, одно Славенскимъ, а другое Рускимъ нарѣчіемъ. Станемъ разумѣть подъ именемъ Славенскаго языка нарѣчіе Священнаго Писанія, а подъ именемъ Рускаго языка нарѣчіе свѣтскихъ книгъ. Въ чемъ состоитъ разность между сими двумя нарѣчіями? Безсомнѣнія въ нѣкоторомъ токмо измѣненіи словъ, а не въ раздѣленіи оныхъ на Славенскія и Рускія; ибо какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать сіе раздѣленіе? Ежели назовемъ *воронъ*, *корова*, *воробей*, *молоко*, Рускими словами; а *вранъ*, *крава*, *врабій*, *млеко*, Славенскими; то за чѣмъ же говоримъ по Славенски *нравъ*, *врагъ*, *владѣть*, *награда*; а не по Руски, *норовъ*, *ворогъ*, *володѣть*, *нагорода*, какъ читаемъ въ лѣтописяхъ и въ простомъ народномъ языкѣ? Ежели скажемъ, что *лѣпота* есть Славенское, а *красота* Руское слово; то къ какому же язы-

ку причислимъ слово *великолѣпіе?* Буде къ Славенскому, тaкъ по правилу сихъ проповѣдниковъ въ нынѣшнемъ нарѣчіи употреблять его не должно; а буде къ Рускому, то какимъ образомъ, не знавъ что̀ *лѣпота*, будемъ мы знать что̀ *великолѣпіе?* Ежели скажемъ, что глаголъ *дѣлаю* есть Руской, а *дѣю* Славенской; такъ зачѣмъ же говоримъ *злодѣяніе, злодѣй?* Таковыхъ затрудненій могъ бы я представить множество. Какимъже образомъ въ составѣ языка разберемъ мы что̀ Славенское и что̀ Руское? Обыкновенное противъ сего возраженіе людей, не читающихъ ничего твердаго, созидающаго въ насъ зрѣлость ума и разсудка, состоитъ въ томъ, что когда они напишутъ десятка два бранныхъ противъ Славенскаго языка стишковъ, и въ простыя рѣчи не кстати вставятъ нѣсколько высокихъ (называемыхъ Славенскими) словъ, то и торжествуютъ, думая, что они ясно доказали худость сего языка. Имъ до разбора свойствъ онаго, до первоначальныхъ основаній, до кореннаго заключающагося въ словахъ смысла, и до всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ нѣтъ никакой нужды. Они не изъ книгъ, писанныхъ учеными и

знающими силу языка людями, хотять учиться оному, но изъ простонародныхъ разговоровъ. По ихъ мнѣнію говорящій нынѣшнимъ нарѣчіемъ староста церковный гораздо краснорѣчивѣе Преосвященнаго Ѳеофана, говорившаго Славенскимъ нарѣчіемъ. У нихъ только и вопросовъ: не ужъ ли намъ говорить: *аще бы ты не скоро возвратился, я бы не дождавшись тебя, абіе ушолъ домой?* Имъ довольно поставить не кстати *аще* и *абіе*, дабы возненавидѣть весь Славенскій языкъ, какъ будто онъ и виноватъ въ томъ, что они употреблять его не имѣютъ. По этому ежели я скажу: *несомый быстрыми конями рыцарь внезапу низвергся съ колесницы и расквасилъ себѣ рожу*, такъ будетъ Руской языкъ виноватъ, что я сказалъ на немъ такую нелѣпость? Нѣтъ, тутъ никакова языка винить не можно, а должно винить себя за то, что мы ни на которомъ изъ нихъ не умѣемъ прилично объясняться. Заключать же изъ подобныхъ доказательствъ о худости языковъ есть судъ объ оныхъ самый невѣжественный. Итакъ не Славенскій языкъ, отдѣляя отъ Рускаго, презирать; не слова онаго на Славенскія и Рускія раздѣлять; но какое слово

какому слогу прилично, знать надлежитъ. Ломоносовъ не спрашивалъ о словѣ *велегласно*, Славенское ли оно или Руское; но зналъ, что это высокое слово, и для того не сказалъ бы никогда въ разговорахъ съ пріятелями: *я, братецъ, велегласно зову тебя на чашку чаю;* но когда пришлось ему писать оду, такъ онъ тамъ не усумнился сказать:

Сіе всѣ грады велегласно,
Что время при тебѣ прекрасно,
Монархиня, живутъ и чтятъ;
Сіе всѣ грады повторяютъ,
(Ода 12.)

Онъ не утверждалъ, что надобно вездѣ вмѣсто *сіе* писать *это*. Нѣтъ! онъ въ разговорахъ конечно говаривалъ: *это, мой другъ, бездѣлица*; но въ важномъ слогѣ никогда вмѣсто: *сіе всѣ грады повторяютъ*, не сказалъ бы, *это всѣ грады повторяютъ*, какъ мы нынѣ тысячи тому примѣровъ найдемъ отъ премудраго проповѣдыванія: *пиши, какъ говоришь*. Державинъ также въ простыхъ разговорахъ не сказалъ бы нигдѣ *ошую* и *одесную*, но когда сочинялъ возвышеннаго рода стихи, тогда, не оста-

навливаясь на разборѣ сихъ словъ, Славенскія ли онѣ, или Рускія, поставилъ:

Тамъ тысящи падутъ ошую,
Кровавая горитъ заря,
Тамъ милiоны одесную,
Покрыты трупами моря.

Гдѣ сыщемъ мы въ лучшихъ нашихъ писателяхъ и стихотворцахъ отверженіе важныхъ словъ и различнаго окончанія причастій, подъ предлогомъ, что вкусъ не позволяетъ употреблять ничего Славенскаго? Лагарпъ, сравнивая Французской языкъ съ древними, то есть Греческимъ и Латинскимъ, между прочими разсужденіями говоритъ: „Греки имѣютъ ихъ (при-„частія) во всѣхъ временахъ и еще троя-„кія, то есть каждое изъ нихъ съ тремя „разными окончаніями.—Спросятъ: на что „такое множество? — Вотъ, сказали бъ „Греки, вопросъ *варваровъ*. Можетъ ли „быть много разнообразія въ звукахъ, ког-„да хотимъ ласкать ухо? Стихотворцамъ „и краснословамъ досадно ли выбирать лю-„бое?" Вотъ какъ разсуждалъ Лагарпъ. Также точно разсуждалъ Ломоносовъ, и всѣ подобные ему писатели. Для доказательства сего приведемъ нѣсколько

примѣровъ изъ безсмертныхъ его сочине-ній:

Но вы, о коль благополучны,
Москву поящія струи!
Вы *ударяючи* во бреги тучны
И проходя поля свои,
Ликуйте, свѣтло веселитесь:
Вы скоро, скоро *насладитесь*
Богини щедрыя очей.
Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены,
Видѣнія ея лишенны,
Сердцами пойдутъ въ слѣдъ за ней.
Сердцами пойдутъ и ушами
Въ восторгѣ сладкомъ возгласятъ:
Коль славными она дѣлами
Петровъ распространила градъ,
И какъ *о свѣтломъ* *оной взоръ*
Возвеселясь подвиглось море,
И къ звуку приложило шумъ.
(Ода 11).

Отверзтіемъ священныхъ устъ,
Трясущи сѣдиной вѣщаешъ.
(Ода 12).

Но палъ и *трясучись* о землю тыломъ билъ.
(Трагед. Мамай).

Россію самъ Господь блюдетъ,
Рукою онъ Елисаветы
Противныхъ разрушитъ *навѣты.*
(Ода 2).

Богиня, коея державу
Обнять не могутъ *седмь* морей.
(Ода 3).

Въ церквахъ, по *стогнамъ,* по домамъ,
Несчетно множество народу

Гремящу представляешъ воду,
Чшо гласъ возносишъ къ небесамъ.
(Ода 17).

Присяжны преступивъ союзы,
Поправши нагло свяшость правъ,
Царямъ *навергнуть* шщишся узы.
(Ода 13).

Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянетъ,
Соблещетъ молнія мечу.
(Ода 15).

Изъ сихъ немногихъ выписокъ видимъ мы, какъ много Ломоносову способсшвовало чшеніе Священныхъ книгъ; ибо всѣ сіи выраженія: *ликуйте, свѣтло веселитесь, насладитесь богини щедрыя очей, о свѣтломъ оной взорѣ возвеселясь подвиглось море,* шакже и слова шаковыя, какъ *навергнуть, соблещетъ, навѣтъ, стогна,* почерпнушы оттуда, а не изъ упошребленія въ разговорахъ. Онъ не ошвергалъ никакихъ причасшій, но зналъ, гдѣ по мѣрѣ просшошы или высокосши и силы выраженія должно сказашь *ударяя,* гдѣ *ударяючи,* гдѣ *трясущи,* гдѣ *трясучись;* не говорилъ, чшо слова *навѣтъ, стогна, седмь,* должно выкинушь изъ языка для шого, чшо онѣ въ разговорахъ не упошребляюшся; зналъ, чшо глаголъ *навергнуть* въ возвы-

шенномъ слогѣ приличнѣе, нежели равнозначущіе ему глаголы *накинуть, наложить, набросить*; вѣдалъ, что *молнія соблещетъ мечу* гораздо сильнѣе и краснорѣчивѣе, нежели *молнія блистаетъ вмѣстѣ съ мечемъ*.

Главнѣйшая сила и богатство языка нашего въ томъ состоитъ, что мы имѣемъ великое изобиліе высокихъ и простыхъ словъ, такъ, что всякую важную мысль можемъ изображать избранными, а всякую простую обыкновенными словами. Сіе изобиліе языка нашего требуетъ отъ насъ такого въ прибираніи словъ искуства, какое должны имѣть продавцы жемчужныхъ нитей: малѣйшая худость или неравенство одной жемчужины съ другими уменьшаетъ въ глазахъ знатока цѣну всей нитки. Напримѣръ *рамена* и *плечи* суть два слова, оба не низкія; но возмемъ слѣдующій стихъ Ломоносова:

Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тягошу земли превыше облакъ вскинулъ.

Могъ ли бъ Ломоносовъ вмѣсто: *и рамена подвигнулъ*, сказать здѣсь: *и плечи подвигнулъ?* Отнюдь нѣтъ. Такое выраженіе обезобразило бы стихъ его. Но Херасковъ во Владимірѣ могъ сказать:

Лежатъ ея власы, какъ злато по плечамъ.

Для чего въ стихѣ Ломоносова надлежало сказать *рамена*, а въ стихѣ Хераскова можно было употребить *плечи?* Для того, что въ первомъ изъ оныхъ всѣ прочія слова суть высокія: *напрягся, мышцы, подвигнулъ*; слѣдовательно мысль и слова въ немъ гораздо выше, нежели въ стихѣ Хераскова; а потому равенство слога и требовало сочетанія одинакой высоты словъ.

Когда оды требуютъ нѣкоего возвышеннаго слога, то поэмы и подобныя тому творенія еще болѣе. Откуду же возмемъ мы высокой слогъ или языкъ, когда не станемъ почерпать оный изъ единственнаго источника Священныхъ Писаній? Возмемъ почти сряду нѣсколько стиховъ изъ первой пѣсни Владиміра поэмы Хераскова:

Рцы, Господи, мнѣ *рцы*: въ Тебѣ да будетъ свѣтъ!
И важну пѣснь мой духъ во свѣтѣ воспоетъ.

Рцы, есть Славянское выраженіе.

Жерцы подъ именемъ боговъ народомъ правятъ;
Глаголы ихъ Царя вселенныя безславятъ;

Воспламеняютъ ихъ *гаданія* войну,
Ихъ руки подаютъ за *злато* тишину,
Изъ идольскихъ щедротъ позорну *куплю*
дѣютъ,
Корысти собственной, не пользѣ душъ
радѣютъ.

Глаголы, *гаданія*, *злато*, *куплю дѣять*, суть тоже Славенскія выраженія.

Поработилъ себя презрѣнному *кумиру*
Не Богу вышнему, *работалъ* тлѣнну міру.

Кумиру, по Славенски, попросту болвану; *работать кому*, тоже есть Славенское выраженіе.

Отъ сей спасительной и *чистыя* струи
Меня, о мужъ *святый*, при жаждѣ *напои*.

Отъ чистыя, *святый*, *напои*, все это Славенское; по просту *изъ чистой*, *святой*, *напой*.

Болѣзненно сіе Владиміру велѣнье.

Болѣзненно, тоже Славенское; ибо мы въ просторѣчіи не говоримъ: *мнѣ болѣзненно*, а говоримъ *больно*, *тяжело*, *досадно*, или тому подобное.

Тогда разсыпались вездѣ *клевреты* ихъ
На жертву *привлещи* во храмъ мужей святыхъ.

Клевреты, привлещи, тоже Славенское, по просту *товарищи, притащить*.

Текутъ на верхъ горы, какъ вихри, пыль, *віющи*
Въ сердцахъ свирѣпый гнѣвъ, въ колчанахъ смерть *несущи*.

и л и:

Какъ древній дубъ зимой, *имѣющъ* свѣжій видъ.

и л и:

Но жрецъ Пламидъ прервалъ молчаніе свое,
И яростью *кипящъ*, невиннымъ *рекъ* сіе.

Всѣ сіи причастія: *віющи, несущи, имѣющъ, кипящъ*, и глаголъ *рекъ*, суть Славенскія, неупотребляемыя въ простыхъ разговорахъ.

Священная *чета* когда вступила въ храмъ,
Молчаніе *крилѣ* распространило тамъ.

Чета, крилѣ, тоже Славенское; по просту *парочка, крылья*.

Страхъ нѣкій на *челахъ* у всѣхъ изобразился,
А праведниковъ *ликъ* сіяньемъ озарился.

или:

Ланиты токомъ слезъ имѣя орошенны,
Власы по *раменамъ* волнами распущенны.

или:

Двѣ души праведныхъ оставивъ тѣлеса,
На радужныхъ *крилѣхъ* летятъ на небеса.
Уже предѣловъ тѣхъ касаются они,
Гдѣ огненна вода, гдѣ влажные огни;
Гдѣ *велелѣпіе* божественнаго міра
Составленна изъ звѣздъ небесна славитъ лира.

Сколько здѣсь Славенскаго: *чело, ликъ, ланиты, власы, рамена, тѣлеса, крилѣ, велелѣпіе!* Какая пища для посмѣянія и хулы тѣмъ, которые отрицаются отъ сего языка!

Одѣянъ свѣтлою небесною зарей.

Одѣянъ! и здѣсь Славенское; по разговорному *одѣтъ*.

Мной крестъ Спасителевъ воздвигнутъ Россамъ *втунѣ*;
Не мыслятъ о Тебѣ, но мыслятъ о Перунѣ.

Втунѣ! этова слова не говорятъ въ разговорахъ, скажутъ тѣ, которые разговорнымъ языкомъ пишутъ поэмы.

Многоочитыя не движутся колеса.

Многоочитыя, Славенское.

Померкли свѣтлые небесные огни,
И *вспять* подвиглися со трепетомъ они.

Вспять, Славенское.

Изъ сего начала поэмы можемъ уже видѣть, какъ необходимъ былъ Хераскову Славенскій языкъ, не говоря о томъ, что и всѣ прочія слова не перестаютъ быть Славенскими отъ того, что однѣ изъ нихъ употребительнѣе въ разговорахъ, нежели другія. Хорошо ли бы сей знаменитый стихотворецъ сдѣлалъ, если бы вмѣсто *рцы Господи*, гоняясь за простотою словъ, поставилъ: говори Господи? Если бы вмѣсто *многоочитыя* сказалъ *многоглазыя*, вмѣсто *вспять подвиглися*, назадъ попятились, и тому подобное? Возмемъ еще сколько нибудь стиховъ изъ другихъ нашихъ хорошихъ стихотвореній, напримѣръ изъ Дмитріева:

И ты (Москва) *съ лица земнаго круга*,
Едва не скрылась отъ *очесъ*.

Лице земли, *очеса*, суть Славенскія выраженія.

Откуду шумъ? приникши ухомъ

Рекъ воинъ, въ думу погруженъ.

или:

Здѣсь бурный *конь* съ копьемъ *во чревѣ.*

Рекъ, конь, чрево, (по просту: сказалъ, лошадь, брюхо), суть Славенскія слова, то есть неупотребительныя въ разговорахъ.

Тамъ *дѣва юная трепещетъ;*
Тамъ старецъ смотритъ въ небеса,
И *къ хладну сердцу выю клонитъ.*

или:

На немъ два мужа изнуренны,
Какъ тѣни въ адѣ заключенны,
Сидятъ *склонясь на длань главой,*
Единый младъ, другій съ брадой.

Ежели отказываться отъ Славенскаго языка и писать по разговорному, тамъ уже надобно говорить *молодая дѣвка дрожитъ,* а не *юная дѣва трепещетъ; къ холодному сердцу шею гнетъ,* а не *къ хладну сердцу выю клонитъ; опустя голову на ладонь,* а не *склонясь на длань главой; одинъ молодъ, другой съ бородою,* а не *единый младъ, другій съ брадой.*

Можетъ быть съ нѣкоторымъ излишествомъ распространился я въ показаніи

примѣровъ, что мы безъ Славенскаго языка ничего важнаго и краснорѣчиваго написать не можемъ; но мнѣ нужно было сдѣлать сіе ощутительнымъ, дабы показать, что мы не иное что подъ Славенскимъ языкомъ разумѣемъ, какъ тотъ языкъ, который выше разговорнаго, и которому слѣдственно не можемъ иначе научиться, какъ изъ чтенія книгъ. Какое иное опредѣленіе сдѣлаемъ мы Славенскому языку? Когда же сіе есть истинное и единственное опредѣленіе его, то само по себѣ явствуетъ, что онъ есть высокій, ученый, книжный языкъ. Итакъ чтожъ подумать о тѣхъ провозвѣстникахъ новаго краснорѣчія, которые вопіютъ противъ него, утверждая, что Руской языкъ различенъ отъ Славенскаго, и что надобно всегда и вездѣ писать по разговорному? Знаютъ ли они, что такое краснорѣчіе, что Руской, и что Славенской языкъ? Употребленіе нѣкоторыхъ словъ онаго не тамъ, гдѣ должно (въ чемъ состоитъ единственное ихъ противъ него доказательство), не похоже ли на то, какъ бы женщина доказала худость алмазовъ тѣмъ, что они повѣшенные у нея на носу и на губахъ безобразятъ ее? Но ктожъ ей велитъ вѣшать ихъ не тамъ, гдѣ при-

лично? Должно ли для того, что она не умѣетъ украшаться ими, превратить всѣхъ ихъ въ простые каменья? Поищемъ сперва откуду такое неосновательное мнѣніе возникнуть могло, а потомъ изслѣдуемъ, понимаютъ ли сіи наставники сами силу своего наставленія? Начало онаго, какъ мнѣ кажется, произошло отъ двухъ слѣдующихъ причинъ: 1-е удивительное наше къ Французскому языку пристрастіе, и отъ того такой сильной въ немъ навыкъ, что весьма не малая часть пишущихъ и читающихъ у насъ людей удобнѣе понимаетъ Французскую, нежели Славенскую книгу. Сія трудность разумѣнія сочиненія на собственномъ языкѣ своемъ происходитъ отъ малаго упражненія и чтенія на ономъ. Мы не можемъ никакимъ образомъ отпереться или утаить отъ себя сію истину, потому что уже никакое широкое покрывало не можетъ закрывать ее отъ очей нашихъ. Мнѣ самому случалось неоднократно слышать, что нѣкоторые Рускіе, пишущіе и разсуждающіе прекрасно о Французской словесности, заглянувъ нечаянно въ Рускую книгу, спрашивали о значеніи словъ, *мгла*, *крамола* *и потолику*. Одна Руская лѣтъ подъ шесть-

десять барыня, разговаривая какимъ-то образомъ на своемъ языкѣ, принуждена была остановиться и спросить, какъ по Руски сказать *vainqueur*. Другая, весьма остроумная женщина, умѣющая съ разборчивостію цѣнить всѣхъ Французскихъ писателей, слушая Рускіе стихи, чистосердечно признавалась, что она о Руской словесности судить не можетъ, и винила въ томъ свое воспитаніе. Изъ сего можно посудить, что такое для многихъ изъ насъ Славенскія книги? 2-е, Поелику сія легкость Французскаго языка, почти одинакая въ книгахъ и въ разговорахъ, весьма соблазнительна для тѣхъ, которые не любятъ много трудиться и размышлять, то оная и подала поводъ къ странному воображенію, что будто мы обогатимъ и установимъ языкъ свой, когда отрекшись отъ многихъ свойствъ и словъ онаго, обрѣжемъ его, по образцу Французскаго языка, и все то, что въ немъ высокое и важное, выбросимъ, а остальное дополнимъ ихъ словами, и назовемъ это *Рускимъ языкомъ*. Очень хорошо! Но подумано ли при семъ, что обрѣзать такимъ образомъ языкъ по образцу другаго языка, есть точно такаяже невозможность, какъ об-

рѣзать у человѣка носъ по образцу носа другова человѣка. Сіе сравненіе не выражаетъ еще достаточно странности такого намѣренія. Мы видѣли, какія различныя свойства и какое великое преимущество языкъ нашъ имѣетъ предъ тѣмъ языкомъ, съ которымъ мы его сравнить хотимъ; а по тому, ежелибъ и можно было обрѣзать его по образцу онаго, то и тогда потеряли бы мы много, а не пріобрѣли. Языкъ нашъ по природѣ громокъ и важенъ въ великолѣпныхъ, пріятенъ и сладокъ въ простыхъ описаніяхъ. Изобиліе и богатство его такъ велико, что онъ высокую рѣчь говоритъ совсѣмъ отличными словами отъ простой рѣчи; иначе по свойству его она бы и не могла быть высокая. Итакъ желаніе нѣкоторыхъ новыхъ писателей сравнить книжный языкъ съ разговорнымъ, то есть сдѣлать его одинакимъ для всякаго рода писаній, не похоже ли на желаніе тѣхъ новыхъ мудрецовъ, которые помышляли всѣ состоянія людей сдѣлать равными? Одни хотѣли, чтобъ высокой и широкогрудый мужичинища былъ равенъ силою и ростомъ съ сухощавымъ карликомъ, а другіе хотятъ, чтобъ одинакая была сила языка,

въ описаніи драки пѣтуховъ и драки исполиновъ. Какъ можно истребленіе всѣхъ коренныхъ словъ языка почитать обогащеніемъ онаго? Можетъ ли рѣка быть многоводна отъ загражденія всѣхъ ея источниковъ? Какъ можно самопроизвольныя, безъ всякаго разсмотрѣнія и разсужденія перемѣны въ языкѣ называть установленіемъ онаго? Можетъ ли стѣна быть тверда отъ безпрестаннаго выниманія изъ оной старыхъ и вкладыванія новыхъ камней? Давно ли писали Ломоносовъ, Херасковъ? Уже находятъ въ нихъ множество обветшалыхъ словъ! Чрезъ десять лѣтъ состарѣются тѣ, которыя нынѣ почитаются новыми. Черезъ десять другихъ лѣтъ опять новое сужденіе о словесности, новая браковка словамъ. Это называется вкусомъ, установленіемъ языка! Но кто сіи установители? Нѣсколько *журналистовъ*, неизвѣстныхъ ни именами своими, ни трудами; нѣсколько молодыхъ людей, научившихся превратно видѣть вещи. Между тѣмъ, ежели послушать ихъ, то они превеликіе просвѣтители, всѣхъ прежнихъ писателей ни во что ставятъ, себя однихъ выше небесъ превозносятъ, и тѣхъ, которые разсуждаютъ иначе о

языкѣ и словесности, называютъ вкусоборцами, обращающими просвѣщеніе и науки во тьму и невѣжество. Такъ часто люди своими грѣхами упрекаютъ другихъ! Однакоже какъ бы такое умствованіе ни простерлось далеко, оно рано или поздно потеряетъ къ себѣ довѣренность; по тому что никакая ложь не обладаетъ долго умами. Нѣтъ! не сближеніе съ Славенскимъ языкомъ, но удаленіе отъ онаго ведетъ насъ къ истинному упадку ума и словесности. Уже и такъ много мы удалились отъ него, много растеряли понятій. Надлежало бы обратиться къ нему съ любовію, а не отвращаться отъ него съ презрѣніемъ. Надлежало бы углубить разумъ свой въ изслѣдованіе мыслей, заключающихся въ словахъ; а не отвергать все то, чего мы не слыхали, и чего, не читая книгъ, и слышать не можемъ. Да позволено мнѣ будетъ въ доказательство, какъ много отъ невниканія въ значеніе словъ бѣднѣемъ мы въ мысляхъ, предложить здѣсь разсужденіе о какомъ нибудь словѣ, напримѣръ о глаголѣ *доить*. Для удобнѣйшаго объясненія мыслей моихъ, я представлю оное въ видѣ разговора между двумя человѣками, изъ которыхъ одного

назовемъ *Рускимъ*, а другаго *Славениномъ*.

Слав. Что собственно значитъ глаголъ *доить?*

Рус. Выжимать молоко изъ сосцевъ какого нибудь животнаго. Напримѣръ говорится: *баба доитъ корову.*

Слав. Можно ли сказать? *корова доитъ молоко?*

Рус. Можно.

Слав. Однако въ сей рѣчи *доить* не значитъ: *выжимать* молоко?

Рус. Нѣтъ.

Слав. Чтожъ значитъ оный?

Рус. Просто давать или изливать.

Слав. Можно ли сказать: *мать доитъ младенца?*

Рус. Нѣтъ.

Слав. Для чего же нѣтъ?

Рус. Для того, что такъ не говорится.

Слав. Почему не говорится?

Рус. По тому, что въ этихъ словахъ нѣтъ никакой мысли.

Слав. А мнѣ кажется, вы отъ того такъ не говорите, что о словахъ, составляющихъ языкъ, мало разсуждаете; и что ежели бы разсуждали болѣе, то непремѣнно бы и говорили.

Рус. Можетъ быть; но чемъ вы это докажете?

Слав. Собственными вашими словами: сказали ль вы, что въ рѣчи: *корова доитъ молоко*, глаголъ *доитъ* значитъ *изливаетъ?*

Рус. Сказалъ.

Слав. По чему же, когда она изливаетъ его въ подойникъ, такъ это *доитъ*; а когда изливаетъ его въ ротъ къ теленку, такъ это не *доитъ?* Одинакія дѣйствія всегда одинакими словами выражаются. Весьма бы странно было въ рѣчи: *рѣка течетъ въ море*, глаголъ течетъ знать, а въ рѣчи: *рѣка течетъ въ озеро*, не знать онаго.

Рус. Стало быть по вашему, *корова доитъ теленка*, значитъ, что она его питаетъ?

Слав. Безсомнѣнія, и по моему и по вашему, потому что у насъ одинъ языкъ.

Рус. Но вы сказали: *мать доитъ младенца?*

Слав. А развѣ корова не мать, а теленокъ не дитя? Развѣ одна корова можетъ изливать изъ сосцевъ своихъ молоко, а мать или кормилица не можетъ?

Рус. Да, конечно. Противъ этова не льзя спорить.

Слав. А когда не льзя спорить, такъ

и прежняго употребленія глагола сего въ семъ смыслѣ отвергать не можно: *взя же отроча на руки жена, и абіе кь ней, яко кь матери своей прилѣпися, она же дояше я.* (Чет. мин. л. 23). Въ молитвенникѣ сказано о Христѣ, бывшемъ еще во младенчествѣ: *его же зряще Богоносніи отцы, веселятся, сь пастырьми поюще дѣву доящую*, т. е. Богоматерь питающую его отъ сосцевъ своихъ. На что вы хотите уменьшать свои понятія и съ ними терять способы объясняться? Вы видите, что слово сіе существовало въ языкѣ, и что употребленіе его основано было на точномъ разумѣ и значеніи онаго.

Рус. Вижу.

Слав. Для чего же не слѣдуете тому употребленію, котораго опорочить никакимъ образомъ не можете?

Рус. Я думаю для того, что мы тожъ самое иными словами объясняемъ.

Слав. Можетъ быть. Но какимъже словомъ замѣните вы глаголъ *доить* въ выраженіи *мать доитъ младенца*?

Рус. Я скажу *кормитъ*.

Слав. Глаголъ *кормитъ* не выразитъ мысли, заключающейся въ глаголѣ *доитъ*; по тому что можно младенца кормить

хлѣбомъ, кашею и другими многими яствами.

Рус. Я скажу: *кормитъ грудью.*

Слав. Вы тогда первое употребите два слова; а второе, что и сими двумя словами не замѣните глагола *доить*; ибо можно еще кормить зажареною грудью или грудинкою какого нибудь животнаго, напримѣръ барашка.

Рус. Я скажу: *кормитъ изливаемымъ изъ груди своей молокомъ.*

Слав. Подумайте же, сколько словъ должны вы сказать для точнаго объясненія того, что выражали мы однимъ словомъ *доитъ!* Итакъ когда я вамъ доказалъ: 1-е, Что слово сіе употреблялось. 2-е, Что употребленіе сіе было справедливо и на самомъ разумѣ языка основано. 3-е, Что вы безъ сего слова не можете заключающуюся въ немъ мысль выражать иначе, какъ многими словами: то чѣмъ же оправдаете нынѣшнее неупотребленіе онаго? Развѣ только тѣмъ; что вы по одному навыку и наслышкѣ судите о словахъ, не стараясь нимало выводить знаменованія оныхъ изъ книгъ и свойствъ языка? Но простремъ далѣе наши разсужденія: какія вѣтви или производныя име-

*

на произошли отъ глагола *доить*.

Рус. Многія. Напримѣръ *отдоить*; говорится: *корова отдоила*.

Слав. Что разумѣете вы подъ симъ словомъ?

Рус. Перестала *доить*, то есть давать молоко.

Слав. Стало быть можно сказать: *корова отдоила теленка*, то есть перестала ему давать молоко?

Рус. Да, я думаю можно.

Слав. А можно ли сказать: *кормилица или мать отдоила своего младенца?*

Рус. Нѣтъ.

Слав. Для чегожъ нѣтъ? Когда подъ словами: *корова отдоила теленка*, разумѣется, что она перестала ему давать молоко; такъ почему же не льзя тогожъ самаго сказать о кормилицѣ, когда она перестанетъ младенцу давать молоко, или онъ отъ грудей ея отнимется? Разумъ ищетъ помощію сцѣпленія близкихъ понятій распространять языкъ, а не стѣснять предѣлы его превращеніемъ общихъ понятій въ частныя. Ежели водѣ свойственно *обливать*, такъ почему же свойственно ей обливать одного только человѣка, а не камень, или дерево, или что нибудь иное?

Тоже можемъ сказать и о глаголѣ *доить?* Почему относите вы его къ однимъ коровамъ? Онъ долженъ относиться ко всему, что имѣетъ у себя сосцы и молоко.

Рус. Развѣ прежде говорилось *отдоить младенца?*

Слав. Безсомнѣнія. Въ слѣдующемъ примѣрѣ: *да не узритъ отдоенія скотовъ, ниже прибытка и масла кравія* (Іовъ 20, 17), говорится о коровахъ; а въ слѣдующемъ: *сотвори Авраамъ угрежденіе* (то есть пиршество) *веліе, въ онь же день отдоися Исаакъ сынъ его* (Быт. гл. 21.) говорится о младенцѣ, котораго отняли отъ грудей кормилицы.

Рус. Мы не можемъ такъ говорить для того, что нарѣчіе перемѣнилось.

Слав. Это до нарѣчія совсѣмъ не касается. Ежелибъ я вамъ сказалъ: говорите точно, *въ онь же день отдоися,* тогда бы я говорилъ о нарѣчіи. Но я не принуждаю васъ говорить *онь* вмѣсто *оный,* или *отдоися* вмѣсто *отдоился;* а говорю о словѣ существующемъ въ вашемъ нарѣчіи, и разсуждаю, что оно значитъ въ языкѣ, и какія понятія выражать удобно. Развѣ ваше нарѣчіе запрещаетъ вамъ разсуждать?

Рѣтъ не запрещаетъ.

Слав. Хорошо: шакъ сшанемъ же продолжашь разговоръ нашъ. Не знаеше ли вы другихъ какихъ вѣшвей, произходящихъ ошъ глагола *доишь?*

Рус. Знаю: *подоишь*, *надоишь*, *подойникъ*, *удой*.

Слав. Всѣ ли сіи вѣшви упошребишельны?

Рус. Всѣ. Мы говоримъ: *подоишь корову. Надоишь цѣлый подойникъ.* Наша корова даешъ въ два *удоя* цѣлое ведро молока.

Слав. Очень хорошо. Шолько жаль, чшо дѣло идешъ все о коровахъ. Нѣшъ ли еще какихъ вѣшьвей?

Рус. Я другихъ не знаю.

Слав. Напрасно не знаеше. Есшь и другія: *воздоишь*, шо есшь воспишашь, возкормишь; ибо мы уже видѣли, чшо *доишь младенца* значишъ пишашь, кормишь его изливаемымъ изъ сосцевъ молокомъ. Слѣдовашельно глаголъ *воздоишь* еще богашѣе мыслями, нежели глаголъ *воспитать*, пошому чшо именно означаешъ первоначальную пищу младенца, шо есшь молоко. *Хощеши ли призову ти жену кормилицу отъ Еврей, и воздоитъ ти отроча?* или: *соблюди ми отроча и воздой ми е.* (Исходъ гл. 2.). *Воздоенный*, воспишанный. *Доилица*, ш. е. корми-

лица: *отверзши же дщерь Фараонова ковчежецъ, видитъ отроча красно плачущееся въ немъ, и пощаде е, и рече отъ дѣтей Еврейскихъ сіе: и хотящи имѣти его себѣ въ сына, повелѣ поискати ему доилицу* (Чеш. мин. л. 19). Такимъ образомъ всѣ вышепомянутыя слова, какъ тѣ, которыя вы знали, такъ и тѣ, которыхъ не знали, происходятъ, какъ сами видите, отъ одного корня, то есть отъ глагола *доить*, и слѣдственно вы не можете отрицать, чтобъ всѣ оныя не составляли одно и тоже дерево, и чтобъ дерево сіе не существовало въ языкѣ.

Рус. Не могу.

Слав. Посмотримъ же какія вѣтьви въ семъ деревѣ у васъ употребительны или цвѣтутъ, и какія не употребительны или посохли. *Доить*, *отдоить*, (корову), *подоить*, *надоить*, *подойникъ*, *удой*, цвѣтутъ еще; а *доить*, *отдоить* (младенца), *воздоить*, *воздоенный*, *доилица*, посохли.

Рус. Такъ точно.

Слав. Да не ужели вы въ наречіи вашемъ только и оставляете то, что у насъ говорили однѣ коровницы? Самыя низкія слова; *подоить корову*, *надоить молока*, *подойникъ*, и проч., вы знаете; а самыхъ благо-

роднѣйшихъ, означающихъ воспитаніе; таковыхъ какъ *воздоить*, *воздоенный*, вы не знаете?

Рус. Мы не употребляемъ ихъ для того, что онѣ Славенскія.

Слав. Вы видите, что всѣ сіи слова, наподобіе вѣтвей древа, произошли отъ одного корня. Какимъже образомъ въ одномъ и томъже деревѣ однѣ вѣтви называете вы березовыми, а другія сосновыми? Какъ? когда глаголъ *доить* употребляется говоря о коровахъ, такъ онъ Руской; а когда о матеряхъ или кормилицахъ, такъ онъ Славенскій? Вотъ подлинно самый ученый разборъ языковъ! Но посмотримъ далѣе: знаете ли вы, что значитъ глаголъ *бавить*?

Рус. Нѣтъ, не знаю. Это не по Руски.

Слав. По крайней мѣрѣ разумѣете ли вы слѣдующую рѣчь: *пробави Господи милость Твою?*

Рус. Разумѣю. Это Славенская рѣчь.

Слав. А это какая: *мы и безъ денегъ можемъ пробаviться?*

Рус. Это Руская.

Слав. Итакъ у васъ *пробавиться* Руское, *пробави* Славенское, а корень сихъ словъ *бавить* никакое. Прекрасное разсуж-

деніе о языкѣ! Да развѣ вы не стараетесь знать, отъ какого понятія происходятъ употребляемыя вами слова: *прибавить, убавить, забава,* и проч?

Рус. Это во первыхъ сопряжено съ великимъ трудомъ, а во вторыхъ и безполезно, потому что всѣ такія слова, какъ *бавить,* почитаются обветшалыми,

Слав. Скажите мнѣ, ежелибъ вы наняли такова учителя, которой бы сыну вашему твердилъ: носи суконный кафтанъ и полотнянную рубашку, но почитай за стыдъ знать о шерсти и льнѣ, изъ которыхъ кафтанъ твой и рубашка составлены: какое бы заключеніе сдѣлали вы о семъ учителѣ?

Рус. Я бы согналъ его со двора.

Слав. Вы себя въ немъ вините. Но посмотримъ еще немного: извѣстенъ ли вамъ глаголъ *вадить?*

Рус. Нѣтъ.

Слав. Вы можете находить его въ книгахъ. Напримѣръ въ слѣдующемъ мѣстѣ: *приведосте ми* (говоритъ Пилатъ про Хріста) *человѣка сего, яко развращающа люди, и се азъ предъ вами истязавъ, ни единыя обрѣтаю въ человѣкѣ семъ вины, яже нань вадите.* (Лук, гл. 23). Изъ сего вы ви-

дите, что глаголъ сей существуетъ въ языкѣ, и притомъ еще существуетъ твердо, потому что пустилъ отъ себя многія отрасли. Извѣстны ли вамъ отрасли его?

Рус. Когда корень неизвѣстенъ, такъ и отрасли его не могутъ мнѣ быть извѣстны.

Слав. Не ужли не знаете вы словъ: *привадить*, *отвадить*, *повадиться*, *повадка*, *неповадно*, и проч?

Рус. Какъ не знать? Это рускія слова.

Слав. А *навожденіе*, *наваждать*, *сваждать*, *навадникъ*, *навадница*, *свада*, и проч?

Рус. Не знаю. Это Славенскія.

Слав. Вы видите вездѣ въ языкѣ нашемъ семьи словъ. Чтожъ вы дѣлаете съ сими семьями? Коренныя родоначальныя слова, отъ коихъ всѣ прочія произрасли и получили знаменованіе и силу свою, вы отсѣкаете, а въ остальныхъ, потерявшихъ чрезъ отнятіе у нихъ корня ясность значенія своего, не находите уже болѣе того родства и связи между ими, которыми сопрягла ихъ сама природа. Или, когда мы сіи семейства словъ уподобимъ, древамъ, вы отрѣзываете у сихъ древъ корень, и когда вѣтви ихъ чрезъ то обез-

силѣютъ, тогда вы еще многія изъ нихъ нарочно подсушаете, и хотите, чтобъ симъ образомъ составленный изъ деревъ сихъ лѣсъ, то есть языкъ вашъ, зеленѣлъ и процвѣталъ!

Рус. Употребленіе *тираннъ*: оно дѣлаетъ вкусъ, а противъ вкуса никто не пойдетъ.

Слав. Мы послѣдовали употреленію тамъ, гдѣ разсудокъ одобрялъ его, или по крайней мѣрѣ не противился оному. Употребленіе и вкусъ должны зависѣть отъ ума, а не умъ отъ нихъ; ибо ежели употребленіе и вкусъ станутъ управлять умомъ, такъ кто же будетъ управлять ими?

Рус. Какъ бы то ни было, но я знаю, что вкусъ не позволяетъ употреблять ничего такого, что неупотребительно.

Слав. Вы часто ссылаетесь на употребленіе, но я сомнѣваюсь, чтобъ вы имѣли ясное о семъ словѣ понятіе.

Рус. По чему вы сомнѣваетесь?

Слав. Потому что оно имѣетъ весьма обширный смыслъ. Что такое употребленіе? Оно можетъ быть общее и частное: общее обемлетъ весь языкъ и всѣ времена; частное относится къ нѣ-

которому времени и нарѣчію. Сіе послѣднее есть вещь во первыхъ непостоянная, во вторыхъ неопредѣленная. *Непостоянная* потому, что мы не можемъ употреблять того, чего не знаемъ, и тогда только начинаемъ употреблять, когда узнаемъ: слѣдовательно что неупотребительно сегодня, то можетъ употребительно быть завтра. *Неопредѣленная* потому, что когда одинъ станетъ со вниманіемъ читать всѣ книги, сколько ихъ есть въ языкѣ; другой безъ всякаго особливаго вниманія будетъ для любопытства читать однѣ только вѣдомости; третій ничего не будетъ читать: тогда понятія сихъ трехъ человѣкъ о употребленіи словъ, будутъ совсѣмъ различны. Первый изъ нихъ станетъ почитать такія слова ясными и употребительными, о какихъ два послѣдніе совсѣмъ не знаютъ и не слыхали; а по тому, когда кто говоритъ: *это неупотребительно*, то надобно еще притомъ знать, подлинно ли отвергаемое имъ неупотребительно, или неупотребительно только по его свѣденіямъ и понятію. Отсюду явствуетъ, что частное употребленіе должно почерпаться изъ общаго или иначе сказать, языкъ долженъ

быть основаніемъ нарѣчію, а не нарѣчіе языку. Отъ перваго случая происходитъ хорошее употребленіе, отъ котораго нарѣчіе процвѣтаетъ; отъ втораго худое употребленіе, отъ котораго оно, не питаясь природными соками своими, скудѣетъ и сохнетъ. Первое изъ сихъ употребленій есть плодъ труда и откровенія, второе плодъ лѣности и заблужденія. Первое защищаютъ умъ и разсудокъ, второму покровительствуютъ подражаніе и навыкъ. Часто сіи послѣднія на нѣкоторое время преодолѣваютъ, но владычество ихъ недолго продолжается.

Рус. Что хотите, то говорите; но я въ Руское мое нарѣчіе не пріемлю ничего Славенскаго.

Слав. Вотъ самое лучшее возраженіе, противъ котораго никакія доказательства не устоятъ! Желаю вамъ счастія и успѣховъ. Я очень почитаю нарѣчіе ваше: оно есть истинное чадо Славенскаго языка, которому онъ всю свою силу, крѣпость, богатство, краткость и великолѣпіе укрѣпляетъ въ наслѣдство; но когда вы, ссылаясь на оное, будете думать, что оно запрещаетъ вамъ разсуждать о знаменованіи словъ, и слѣдовательно не до-

пускаешъ васъ знашь и пользоваться сокровищами отца своего, то я предвижу, что продолжая шакимъ образомъ поступашь съ нимъ, вы приведете его напослѣдокъ въ великую бѣдность; ибо противно здравому разсудку повѣрить, чтобъ такое нарѣчіе со временемъ не упало и не уронило всей процвѣтавщей на немъ словесности.

Мы прерываемъ здѣсь разговоръ Рускаго съ Славениномъ. Продолжая далѣе оный, безъ сомнѣнія Славенинъ могъ бы показать множество словъ и понятій, разтерянныхъ нами отъ невниканія въ языкъ свой, и потому сдѣлавшихся неупотребительными. Онъ могъ бы показать, что сіе разтеряніе отчасу умножается, что происходящая отъ того пустота въ языкѣ остается пустотою, или наполняется чуждымъ и несвойственнымъ языку нашему веществомъ, отъ чего онъ слабѣетъ и увядаетъ. Но довольно и того, что мы слышали отъ Славенина, дабы распространя оное на весь языкъ, почувствовать, сколь немаловажный чрезъ то дѣлается въ немъ ущербъ.

Взглянемъ теперь сокращенно на все сказанное нами въ семъ краткомъ сочи-

неніи: мы видѣли, что языкъ нашъ изобиленъ, великолѣпенъ, краткокъ, силенъ, составленъ умомъ любомудрымъ изъ словъ и выраженій богатыхъ разумомъ. Мы видѣли, что сіи свойства его составляютъ въ священныхъ Писаніяхъ высоту, до какой ни одинъ изъ новѣйшихъ языковъ достигнутъ не можетъ. Мы видѣли, что лучшіе писатели и стихотворцы наши, обогатившіе Россійскую словесность, въ высокихъ твореніяхъ своихъ, подражая духу Священныхъ Писаніи, говорили всегда тѣми же избранными словами и выраженіями, которыя нынѣ подъ предлогомъ Славенскихъ и неупотребительныхъ начинаемъ мы оставлять. Мы въ разговорѣ Рускаго съ Славениномъ видѣли ясно и очевидно, что съ отвычкою отъ употребленія оныхъ теряется богатство и сила языка. Вопросимъ же теперь: за чемъ оставлять намъ путь сей, и какой лучшій можемъ мы избрать? Отвѣтъ на сіе не труденъ. Итакъ не оставлять сего пути, но держаться онаго, идти по немъ, разсуждать о коренномъ значеніи словъ, черпать изъ сего богатаго источника, восходить, какъ можно, далѣе къ началамъ онаго, суть единыя средства къ *рас-*

пространенію, обогащенію и усовершенствованію нашей словесности. Раздѣлять же языкъ на Славенскій и Рускій, истреблять высокія слова и замѣнять ихъ простыми, отсѣкать корни и засушать вѣтьви въ деревьяхъ словъ, брать за образецъ краснорѣчія обыкновенный слогъ разговоровъ, презирать и не читать книгъ, заключающихъ въ себѣ источники языка, переводить изъ слова въ слово съ чужихъ языковъ рѣчи, гоняться за ихъ словами и забывать свои, суть конечно самыя легкія средства, не требующія никакого труда и ученія, но между тѣмъ весьма сильныя къ стѣсненію, изнуренію, искаженію и безображенію языка нашего и словесности.

Присовокупленіе.

Мы дѣлаемъ сіе присовокупленіе въ рѣчи нашей по нижеслѣдующимъ причинамъ: выше сего сказали мы нѣчто о журналахъ; но какъ сія рѣчь долженствовала единовременно прочтена быть въ Академіи, того ради соблюденіе краткости не позволило намъ много о семъ распространиться. Между тѣмъ нужно упомянуть о томъ нѣсколько попространнѣе,

тѣмъ паче, что опровергаемые нами толки не престаютъ, ко вреду языка и словесности, время отъ времени вновь появляться. Хотя они сами по себѣ такъ неосновательны, что нѣтъ никакой надобности оговаривать ихъ, однакожъ для лучшаго въ томъ увѣренія, не излишне будетъ привесть ихъ предъ глаза читателя. Лагарпъ въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ ясно, какой вредъ Французской словесности нанесли журналы, *сіи* (по словамъ его) *кропаемые съ поспѣшностію листки, двадцать пять лѣтъ наводняющіе Францію.* Онъ между прочимъ говоритъ: „естьли бы особенно разсмотрѣть ихъ, „тогда бы можно было почувствовать, „что истинные любители словесности не „должны быть обвиняемы ни брюзгливо„стію, ни излишнимъ увеличиваніемъ ве„щей, когда изъявляютъ они толь вели„кое презрѣніе къ симъ зловреднымъ не„лѣпостямъ, содѣлавшимся пищею много„людства. Мы увидѣли бы, что изобрѣта„тели оныхъ часто не разумѣютъ знаме„нованія употребляемыхъ ими словъ, не „знаютъ, какъ составить рѣченіе, не то „говорятъ, что сказать хотятъ, расто„чаютъ на удачу художественныя на-

„званія, не понимая оныхъ; пишутъ ино-„сказанія, не имѣя первоначальныхъ о „томъ понятій, и проч.“ (Lycée). Лагарпъ говоритъ совершенную правду: мы можемъ то судить по многимъ помѣщаемымъ въ журналахъ нашихъ сочиненіямъ, въ которыхъ, отъ заблужденія ли ума, или отъ поврежденія сердца, столько же иногда не щадится нравственность, сколько и разсудокъ. Часто не знаемъ мы сами слѣдствій нашихъ мнѣній. Что значитъ раздѣленіе языка нашего на Славенскій и Рускій? Раздѣленія сего (разсуждая о языкѣ въ прямомъ смыслѣ онаго) никакимъ образомъ доказать не можно, поелику оно не существуетъ. Итакъ выходитъ, что разумѣется подъ симъ языкъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ. На чтожъ чуждаться намъ перваго изъ оныхъ и старатся приводить его въ забвеніе и презрѣніе? Для того ли, чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что совлеченная единожды съ прямаго пути

она непремѣнно должна попасть въ оныя. Какое намѣреніе полагать можно въ стараніи удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобъ языкъ вѣры, ставъ неразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать языка страстей? Отсюду можетъ быть происходитъ, что всякое благонамѣренное и полезное сочиненіе, кажется, досаждаетъ у насъ многимъ, и вооружаетъ противъ себя писателей, старающихся всячески помрачить оное. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ прямо, какъ умѣютъ; другіе же лукавствуютъ, и хотятъ настоящее намѣреніе свое прикрыть нѣкою благовидностію; но сіе намѣреніе еще болѣе видно изъ подъ худаго ихъ покрывала. Во множествѣ журналовъ нашихъ (исключая можетъ быть немногіе) находимъ подъ именемъ *критикъ* такія сужденія о языкѣ и словесности, которыя не только предъ цѣлымъ свѣтомъ, но и предъ двумя человѣками изъявлять надлежало бы стыдиться. Главная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ стихами и прозою вопіять противъ Славенскаго языка, не зная и не разумѣя, о чемъ идетъ дѣло, и въ чемъ состоитъ языкъ. Взявъ одно такое

*

сочиненіе, могли бы мы въ каждой строкѣ, отъ первой до послѣдней, показать неосновательность за неосновательностію, незнаніе за незнаніемъ, неправду за неправдою, даже клевету (ибо часто господинъ или господа писатели сихъ нелѣпицъ, называемыхъ *критиками*, ссылаясь на страницу разсматриваемой ими книги, отъ того ли, что не поняли, или по надеждѣ, что не всякой станетъ справляться, говорятъ совсѣмъ не то, что на сей страницѣ сказано, и такимъ образомъ, выдавая свое за чужое, сами противъ себя возражаютъ); мы могли бы во многихъ подобныхъ сему ощутительныхъ неправдахъ ясно уличить; но такое подробное показаніе не стоитъ того, чтобъ терять на оное труды и время. Для того выпишемъ только нѣкоторыя мѣста и рѣчи, дабы мимоходомъ взглянуть, какимъ образомъ сіи безъименные критики (столько еще остается въ нихъ стыда, что они скрываютъ имена свои) толкуютъ о языкѣ и словесности. Вотъ какъ: „*Россійской языкъ происходитъ отъ* „*Славенскаго точно также, какъ Французскій* „*отъ Латинскаго*." (Неоспоримая правда! съ тою только разностію, что ни одинъ

Французъ, не обучась Лашинскому языку, не разумѣетъ онаго; а у насъ всякой безграмошной мужикъ заставляетъ грамошнаго сына своего чишашь предъ нимъ Прологъ, Четіо-минею и другія духовныя книги, разумѣя и слушая его съ удоволь„ствіемъ).—*Мы на нашемъ языкѣ никакихъ „не имѣли сочиненій до временъ ПЕТРА Великаго.*" (Мнѣ кажется, ежели бы кто и ничего, кромѣ романовъ, комедій и журналовъ, не чишалъ, шакъ и шотъ не могъ бы сего сказашь; ибо не ужъ ли онъ даже и не слыхалъ, что у насъ есть Руская правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ, древняя Вивліоѳика, лѣтопись Несторова, Никонова, Сильвестрова, Псалтырь, Евангеліе, и множество духовныхъ книгъ, сочиненныхъ и переведенныхъ задолго до ПЕТРА Великаго? Какъ все это опровергать и не поставлять въ число книгъ, для того только, что не было журналовъ и комедій?) *Языкъ, кото„рымъ говорили мы (до ПЕТРА Великаго), „давно уже отдѣлился отъ Славенскаго вве„деніемъ множества Татарскихъ словъ и вы„раженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ.*" (Вотъ какое раздѣленіе полагаютъ и защищаютъ! нѣсколько словъ, вошедшихъ

въ простонародное нарѣчіе, пріемлется за основаніе новаго языка! гдѣ же покажутъ мнѣ сіе множество Татарскихъ словъ и выраженій въ Библіи, въ Ѳеофанѣ, въ Ломоносовѣ, въ Херасковѣ, и проч? Но положимъ, что чистота языка нашего и повредилась нѣсколько отъ принятія въ него иностранныхъ словъ, слѣдуетъ ли изъ того утверждать, что нечистой языкъ сталъ лучше чистаго?) — *„Можно „ли называть однимъ и тѣмъ же языкомъ „два нарѣчія, изъ коихъ одно, хотя непо-„средственно происходитъ отъ другаго, но „смѣшано съ третьимъ чуждымъ, и притомъ „испорчено пятисотлѣтнимъ употребленіемъ? „къ чему величаться названіемъ, намъ не „принадлежащимъ?“* (Вотъ какія умствованія! говорить, что мы люди, потомки нашихъ предковъ, и что имѣемъ свой языкъ, есть не принадлежащее намъ названіе! да чтожъ мы такое? и какое названіе намъ принадлежитъ?)—*„Мы и безъ „того имѣемъ множество выгодъ предъ всѣ-„ми Европейскими народами: нашъ Руской „языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, велико-„лѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ; но мы сверхъ „того можемъ еще почерпать изъ Славен-„скаго (выгода несравненная!) съ тѣмъ одна-*

„кожъ условіемъ, чтобъ выраженія и оборо-„ты, заимствованные нами не были против-„ны собственному языку нашему. Естьлижъ „бы они оба составляли одно и тоже цѣ-„лое, на что сіи предосторожности?“ (Что значатъ сіи слова: *нашъ Руской языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ?* какъ! нашъ Руской языкъ *самъ по себѣ?* да что такое нашъ Руской языкъ *самъ по себѣ?* гдѣ онъ? возмемъ какую нибудь нынѣшнюю книгу, найдемъ ли мы въ ней хотя два такихъ слова (выключая иностранныя), о которыхъ бы могли мы сказать: вотъ это Славенское, а это Руское? Ежели мы подъ Славенскимъ словомъ разумѣть будемъ высокое слово, напримѣръ *вниду*, а подъ Рускимъ простое, напримѣръ *войду*, то конечно о разности ихъ разсуждать можемъ, утверждая справедливо, что первое изъ нихъ прилично важному, а другое среднему или простому слогу; но утверждать, что *вниду* есть Славенское, а *войду* Руское, и дѣлать изъ того два разныхъ языка, есть не знать составленія словъ, есть утверждать, что предлогъ *въ* различенъ отъ предлога *во*, и глаголъ *иду* различенъ отъ глагола *иду*. Возмемъ

вышесказанную рѣчь: *нашъ Руской языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе*, и проч., можно ли о мѣстоименіи *нашъ*, о словѣ *Руской*, о существительномъ имени *языкъ*, о мѣстоименіи *самъ*, о предлогѣ *по*, о мѣстоименіи *себѣ*, о нарѣчіи *гораздо*, о именахъ *богатѣе, великолѣпнѣе*, и такъ далѣе по порядку, сказать, что слова сіи суть Рускія, а не Славенскія, или Славенскія, а не Рускія? Можно ли о Невѣ сказать, что она и безъ воды богата водою?) — „*Для чего большая часть нашихъ* „*теперешнихъ* *) *выраженій (я говорю толь-* „*ко о настоящемъ Рускомъ языкѣ, а не о* „*варварской смѣси, какою писаны многія* „*нынѣшнія книги) не токмо не принадлежатъ*

*) Здѣсь должно сказать *нынѣшнихъ*, а не *теперешнихъ*. Оба сіи слова *нынѣ* и *теперь* (послѣднее происходитъ отъ мѣстоимѣнія *та* и имени *пора*) суть равно Славенскія или Рускія; но одно изъ нихъ возвышеннѣе другаго (обстоятельство принадлежащее до слога), и хотя они оба изъявляютъ неопредѣленное количество времени, однакожъ одно изъ нихъ означаетъ большее количество, нежели другое (обстоятельство относящееся къ разбору смысла словъ). Отсюду весьма бы странно было вмѣсто: *которой теперь часъ*, спросить: *которой нынѣ часъ?* или вмѣсто: *мы въ нынѣшнемъ посту говѣли*, сказать: *мы въ теперешнемъ посту говѣли*. Вотъ, въ чемъ надлежало бы различать слова, а не въ томъ, чтобъ безъ всякаго толку раздѣлять ихъ на Славенскія и Рускія.

„*къ Славенскому языку, но даже и не отъ* „*него происходятъ?*" (Въ подобныхъ сборищахъ словъ не должно искать мыслей, а еще меньше разума; ибо они совсѣмъ не съ тѣмъ пишутся, чтобы сказанное можно было доказать или разумѣть; но только съ тѣмъ, чтобъ оное написано и прочтено было. Здѣсь говорится *о варварской смѣси*, а въ чемъ она состоитъ, до того дѣла нѣтъ. Говорится, что *большая часть нынѣшнихъ нашихъ выраженій не токмо не принадлежитъ къ Славенскому языку, но даже и не отъ него происходитъ*, а какъ, и почему: этова прошу не спрашивать. Между тѣмъ *варварская смѣсь* конечно бываетъ, и еще двоякая, напримѣръ, ежели бы кто написалъ: *меня фрапировалъ колоритъ этой пьесы*, рѣчь сія была бы варварское смѣшеніе своихъ двухъ мѣстоименій съ тремя чужими словами; или, естьли бы кто, говоря о младенцѣ сынѣ своемъ, сказалъ: *мой малютка дѣлаетъ зубы* (вмѣсто у моего малютки росступъ зубы), тотъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы варварское смѣшеніе, потому что Руское выраженіе *мой малютка* смѣшалъ бы съ выраженіемъ, взятымъ съ Французскаго, и которое въ нашемъ языкѣ не

имѣетъ того значенія. Итакъ *варварская смѣсь* состоитъ или въ принятіи многихъ чужихъ словъ, или въ буквальномъ переводѣ съ чужаго языка такихъ выраженій, которыя нашему языку или несвойственны, или невразумительны, или не то значатъ. Другой никакой варварской смѣси быть не можетъ. Но когда выраженія *не принадлежатъ къ Славенскому языку и не отъ него происходятъ*, такъ откудужъ они взялися? Какія же они, какъ не чужестранныя? и когда большая часть нынѣшнихъ нашихъ выраженій такова, то какимъ же образомъ вмѣстѣ и вопіять противъ нихъ, называя *варварскою смѣсью*, и утверждать, что она-то и есть украшеніе нашего языка?) — „*Правда, что возвышенный „слогъ не можетъ у насъ существовать безъ „помощи Славенскаго; но сія необходимость „пользоваться мертвымъ для насъ языкомъ „для подкрѣпленія живаго, не есть доказа„тельство.*“ (Что такое значитъ здѣсь слово *помощь?* не мудрено понять, когда скажутъ: человѣкъ помогаетъ человѣку; но какимъ образомъ представить себѣ, что *языкъ помогаетъ языку?* Этова мало: *мертвый помогаетъ живому!* и этова мало: *живый безъ мертваго существовать не мо-*

жетъ! Какъ? подобныя сему загадки, странности, небылицы смѣютъ являться въ видѣ *разсужденій?* и предъ кѣмъ? предъ лицемъ свѣта? О! . . . . . но воздержимся отъ удивленія. Здѣсь языкъ Славенскій называется мертвымъ. Что такое мертвый языкъ? тотъ, которымъ никакой народъ не говоритъ болѣе. Латинской языкъ есть мертвый; ибо существуетъ въ однихъ только книгахъ и между учеными всѣхъ земель людьми. Эллинскій или древній Греческій можетъ также назваться мертвымъ, потому что число нынѣшнихъ Грековъ весьма невелико, состоитъ подъ владѣніемъ Турецкимъ, и при томъ новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошло отъ языка своихъ предковъ, языка Гомерова, что уже больше не разумѣютъ онаго. Въ томъ ли положеніи находится Славенскій языкъ? Пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ имъ! И тамъ, гдѣ главная колыбель его, гдѣ на немъ основана вѣра и законы, тамъ называютъ его мертвымъ! О! . . . . . но воздержимся отъ удивленія).—„*Хорошіе писатели наши весь-*
„*ма наблюдаютъ это, и дѣйствительно въ*
„*ихъ сочиненіяхъ языкъ нашъ, хотя напол-*
„*ненный великолѣпіемъ Славенскаго, не пре-*

„*станетъ однакожъ быть Рускимъ.*“ (Евклидъ говоритъ: ежели опущенъ на прямую черту отвѣсъ, дѣлающій по одну сторону уголъ прямый, то и по другую будетъ уголъ прямый же. Такъ-то и здѣсь: ежели языкъ нашъ наполненный великолѣпіемъ Славенскаго не престаетъ быть Рускимъ, такъ по той же причинѣ наполненный простотою Рускаго не престаетъ быть Славенскимъ. Евклиду надобно вѣрить, онъ учитъ разсуждать. Впрочемъ хорошіе писатели конечно не смѣшиваютъ *Славенскаго языка съ Рускимъ*; но подъ сими словами разумѣется различіе *высокаго слога съ простонароднымъ*. Напримѣръ можно сказать, *препояши чресла твоя и возми жезлъ въ руцѣ твои*, и можно также сказать: *подпояшься и возми дубину въ руки*; то и другое, въ своемъ родѣ и въ своемъ мѣстѣ, можетъ прилично быть; но начавъ словами: *препояши чресла твоя*, кончить: и *возми дубину въ руки*, было бы и смѣшно и странно. Вотъ что наблюдаютъ хорошіе писатели; а не то, чтобъ кричать: *чресла, жезлъ, препояши, безлучный, огнезарный, безлестный, всезлобный, плотоядный, возсоздать, бдѣніе, стыдѣніе, воздоенный*,

и проч. *) это Славенскія — сохрани насъ Богъ отъ нихъ! — а *подпоясаться, дубина, горшокъ, лапти, кочерга, блины, помело, огурцы, квашня:* вотъ это наши Рускія слова! Какъ можно такихъ писателей или судей называть хорошими? они языка не знаютъ; ничего путнаго и хорошаго не читали по Руски; не умѣютъ высокаго слога отличить отъ низкаго: какъ же имъ разсуждать о словесности?)—„*При ПЕТРѢ „Великомъ или въ началѣ просвѣщенія наше„го, высокимъ слогомъ, то есть по просту*

---

*) Читатель да не подумаетъ, что сіе собраніе словъ есть одно мое предположеніе, нѣтъ: мы найдемъ въ журналахъ вопіяніе противъ каждаго изъ оныхъ. Однимъ словомъ, всѣ тѣ имена, какими лучшія наши творенія и высокой языкъ Священныхъ книгъ преисполненъ; все то, что въ Академическій Словарь включено; все то, чѣмъ Лагарпы и другіе ученые люди превозносятъ единосвойственные съ нашимъ Греческой и Латинской языки (а именно подобнымъ нашему словосочиненіемъ, таковою же удобностію къ составленію словъ и свободою извращенія ихъ въ рѣчахъ); все то, говорю, сіи судьи и стихотворцы отмещутъ, и потомъ въ посланіяхъ своихъ взываютъ къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ, Ювеналамъ, Саллустіямъ, Ѳукидидамъ, затвердя однѣ только имена ихъ, и, что всего удивительнѣе, научась благочестію къ Кандидѣ, и благоправію и знаніямъ въ Парижскихъ переулкахъ, съ поврежденнымъ сердцемъ и помраченнымъ умомъ вопіютъ противъ невѣжества, и обращаясь къ тѣнямъ великихъ людей, толкуютъ о наукахъ и просвѣщеніи!

„*на Славенскомъ языкѣ, писали всякія книги* „*безъ разбора.*" (Прекрасное истолкованіе: *высокимъ слогомъ, то есть попросту на Славенскомъ языкѣ!* Да развѣ Славенской языкъ и высокой слогъ есть одно и тоже? Не ужъ ли всякая Славенская рѣчь есть высокая? не уже ли *хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу*, есть такойже высокой языкъ какъ *трепетна бысть земля, и основаніе горъ смятошася?* Ежели при ПЕТРѢ Великомъ *всякія книги безъ разбора* писали *высокимъ слогомъ*, такъ по этому всякая челобитная была поэма, всякой писарь Ломоносовъ? Лучше бы намъ быть въ началѣ нашего просвѣщенія, нежели подобными разсужденіями чрезъ сто лѣтъ показывать такіе худые успѣхи въономъ). „*А простымъ слогомъ, или лучше сказать* „*нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ Славенскаго и* „*смѣшеннымъ со множествомъ Татарскихъ* „*словъ тогда говорили. Нынѣ же, когда Руской* „*языкъ образовался, сіе различіе въ слогѣ, съ* „*точностію наблюдается по различію рода* „*сочиненій.*" Потомъ въ возраженіе на то, что многіе корни Греческихъ и Латинскихъ словъ примѣчаются въ Славенскомъ языкѣ, сказано: „*не зная по Гречески, я не* „*могу опровергнуть онаго; но можно ли по-*

„думать, чтобъ Греки, народъ столь про-
„свѣщенный, наслѣдовавшій самымъ богатымъ
„изъ всѣхъ языковъ, захотѣли пользоваться
„Славенскимъ, который въ сравненіи съ Гре-
„ческимъ былъ грубъ и бѣденъ?“ (Сблизимъ теперь всѣ вышесказанныя мѣста, и посмотримъ на кучу скомканныхъ въ нихъ противурѣчій, не имѣющихъ между собою ни соображенія, ни слѣдствія, ни связи: Славенское и Руское нарѣчіе суть два языка различные между собою! — Славенской языкъ есть высокой слогъ! — Славенской *мертвой* языкъ великолѣпенъ и Руской *живой* безъ помощи его существовать не можетъ. — Славенской языкъ въ сравненіи съ Греческимъ (котораго сочинитель не знаетъ) грубъ и бѣденъ! — Славенскимъ языкомъ или высокимъ слогомъ до ПЕТРА Великаго писали всѣ книги безъ разбора, а Рускимъ говорили! — Руской языкъ давно отдѣлился отъ Славенскаго введеніемъ множества Татарскихъ словъ и выраженій совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ! — Онъ есть испорченное изъ Славенскаго нарѣчіе, смѣшенное съ третьимъ чуждымъ! — Онъ непосредственно происходитъ отъ Славенскаго языка, но большая часть нынѣшнихъ выраженій его не принадлежитъ

къ Славенскому языку, и даже не отъ него происходитъ?"—Какъ? это называется *критикою?* разсужденіемъ о языкѣ и словесности? на этомъ основываются доказательства, что мы должны Славенскій языкъ почитать особымъ языкомъ, презирать, уклоняться отъ него? Не ужъ ли есть люди, которые сему повѣрятъ? Правда, Лагарпъ говоритъ: on ne se flatte pas d'imposer silence à cette espéce d'hommes, sur qui la raison a perdu ses droits, sur-tout depuis que la déraison est de toutes les puissances la plus accréditée. (Pseautier, discours preliminaire: page 5). Однакожъ дойти до такой степени, чтобъ убѣждаться подобными сему истинами: Славенской языкъ *великолѣпенъ, грубъ и бѣденъ* —Руской языкъ *не можетъ существовать безъ Славенскаго*, однакожъ онъ *самъ по себѣ* (то есть безъ Славенскаго) *гораздо богатѣе и сильнѣе всѣхъ прочихъ* — до ПЕТРА Великаго *не было у насъ никакихъ сочиненій*, а писали тогда *всякія книги безъ разбора высокимъ слогомъ*.—Дойти, говорю, до такой степени, было бы нѣчто чрезвычайное. Но чтожъ еще? послѣ сихъ вмѣстѣ и отрицаній и утвержденій, предвозвѣстивъ (въ великой похвалѣ Рускаго языка), что оный есть *испорченное изъ Славенскаго и*

смѣшенное со множествомъ Татарскихъ словъ нарѣчіе, вдругъ важнымъ голосомъ возвѣщаютъ: *нынѣ же, когда Руской языкъ образовался*..... Да изъ чего же онъ образовался? изъ Татарскихъ и простонародныхъ словъ? Прекрасное образованіе языка! Подлинно, по ихъ опредѣленію, онъ не *Славено-Россійскій*, а *худо-Славено-Татарской*. Бѣдной Руской языкъ! лучше бы сіи защитники за тебя не вступались Они отъ презрѣнія къ Славенскому языку дадутъ тебѣ такое происхожденіе, которому ты самъ не радъ будешь. Они готовы назвать тебя Татарскимъ, Калмыцкимъ, Чухонскимъ, Камчадальскимъ, лишь только бы не Славенскимъ).

Изъ сихъ немногихъ выписокъ ясно уже видно, каковы и чѣмъ наполнены бываютъ таковыя сочиненія. Естьлибъ мы захотѣли съ подробностію разсмотрѣть оныя, то конечно во многихъ мѣстахъ произвели бы въ читателѣ удивленіе, негодованіе и смѣхъ; но намѣреніе наше было только показать сужденія ихъ о языкѣ, пропуская все прочее, какъ недостойное ни его, ни нашего вниманія.

